

ФАНТЕЗИ
МАГИЯ

Валерий Гуминский
НАЙДЕНЬШ
ОБРЕТЕНИЕ СИЛЫ

Валерий Михайлович Гуминский
Найденыш. Обретение Силы
Серия «Стяжатель», книга 3
Серия «Фэнтези-магия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67591670

Найденыш. Обретение силы:

ISBN 978-5-17-147947-3

Аннотация

Вернув статус дворянина по праву рождения, Никита должен взять под защиту свой род и любимую девушку. В новом кругу общения можно приобрести не только друзей; слишком много противников его союза с кланом Меньшиковых. Выбор правильного пути не всегда честен и благороден, но у главного героя нет сомнения в том, каким он хочет видеть свое будущее.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	60
Глава четвертая	70
Глава пятая	82
Глава шестая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	113

**Валерий Михайлович
Гуминский
Найденыш.
Обретение силы**

© В. Гуминский, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

Глава первая

Год 2010

– Так и будешь героя из себя изображать? – Мотор присел на табурет и бесстрастно посмотрел на избитого мужчину, глаз которого заплыл от страшного удара, а нос оказался свернутым на сторону. Засохшая кровь покрыла коркой его губы и подбородок. Он сидел со связанными руками, на одной из которых на двух пальцах не хватало фаланг, и монотонно качался взад-вперед.

Подвал одного старого, разваливающегося дворянского особняка, выкупленного неким господином Ивановым, пропускал мало света в узкое полукруглое окошко, но зато весенняя сырость, тянущаяся от земли, легко проникала внутрь и оседала на каменной кладке. Кое-где на кирпичках даже капли воды выступали.

– Вы не понимаете, – проскулил мужчина, со страхом глядя на безучастного Мотора, потом его взгляд метнулся в сторону, где в углу на ржавой панцирной кровати развалился Окунь. – Это жестокие люди, и за любой стук отрезают голову! Лучше убейте меня сразу.

Он молча заплакал, глотая слезы, а Мотор вздохнул тяжело. Этот слизень понимал только угрозу своему физическому здоровью, когда увечили тело. Или посредник действительно ничего не знал, кроме того, что уже выложил, или оказался очень крепким орешком.

– Слушай внимательно, – он закинул ногу на ногу и медленно покачал носком туфля. – Мы тебе предлагаем сделку. Выгодную сделку, без дураков. Мы, конечно, тоже не плюшевые люди, и кости ломать умеем, как ты убедился. Но твое слово в обмен на жизнь – устраивает?

– Вы обманете, – прошептал узник.

– Хорошо. От имени хозяина я обещал сохранить тебе жизнь, – кивнул Мотор. – Правда, пару отрезанных пальцев я не смогу вернуть, но у тебя будут новые документы, ты сможешь уехать за границу или спрятаться в любом месте нашей необъятной империи. Мы тебя даже подлечим...

Мужик снова заскулил, вспоминая как страшный сон щелчки секатора и безумную боль, пронзившую его тело.

– Я не знаю вашего хозяина! – слезы выступили на глазах увечного.

– Он человек слова, а мы подчиняемся его приказам. Ну? Всего две услуги: где искать Шута и нарисовать цепочку сбыта товара. Все! Какая проблема, мужик?

– Фраер, не играй героя, – лениво произнес Окунь, лениво перелистывая мужской журнал с модными красотками, который у него всегда был в кармане для таких вот случа-

ев. Беседу вел Мотор, а он только мог плющить носы, отрывать уши или пальцы. Ему совсем неинтересно раскалывать терпил посредством интеллектуальных бесед, а Мотор почему-то получал от этого удовольствие.

Молчание затягивалось. Мужчина, вероятно, принимал какое-то решение, ломая страх перед будущими испытаниями, а Мотор спокойно ждал. Но и его терпению пришел конец.

– Окунь, тащи свою задницу сюда, – сказал он со вздохом. – И секатор захвати. Видимо, фраеру не жалко еще одного пальца.

– Да скажу я! – истерично выкрикнул узник. – Дайте вспомнить!

– Уже лучше! – обрадовался Мотор. – Только ты долго не молчи, а то я рассержусь. Одна минута...

Связанный мужчина облизал кровавую пленку с губ и срывающимся голосом начал говорить. Что-то он повторял, но появились новые детали, которые тщательно скрывались до тех пор, пока не полетели на пол отрезанные пальцы.

– Шут – всего лишь курьер в давно налаженной цепи, но очень опытный, – сказал заложник, прикрыв глаза. – Он ездит в Якутию только после сигнала, что товар готов к транспортировке. При нем всегда кейс, замагиченный на несанкционированное открытие. Если кто другой его попытается взломать – взлетит на воздух вместе со всем содержимым.

– Понятно. Что по алмазам? – прервал его Мотор. Он по-

хвалил себя за ту осторожность, что не дала ему самому открыть крышку кейса в поезде.

– Алмазы он получает с рук на руки в Якутске от мелких сбытчиков. Скомплектовав партию – сразу уезжает. Сначала самолетом до какого-нибудь крупного города, а оттуда с пересадками до Вологды. Почему так – не знаю. Но всегда в Петербург он приезжает из Вологды. Это точно.

– А что у него в Вологде?

– Я не знаю! Наши встречи длятся не больше двух-трех минут, и нам вообще некогда расспрашивать его. Да и вряд ли Шут стал бы распускать язык.

– Ладно. Дальше.

– Товар всегда при нем. По приезде в столицу он не сразу выходит на связь с нами. Может неделю ходить кругами, может и месяц. Месяц – самое большее, потому что дальше нет смысла тянуть. Заказчик тоже не железный, и у него свои графики. Но они принимают во внимание осторожность Шута и не сильно на него давят.

– Они? Значит, их несколько? Кто является заказчиком? Я имею в виду того, кто заинтересован в получении качественного товара?

– Это люди из посольства Британии и САСШ. В большей степени – англичане.

– Кто именно? Знаешь его имя?

– Некто Джеральд Фицрой, – пошевелив бровями, произнес мужчина. – Он так назвался при налаживании контак-

тов, сказал, работает вторым секретарем в посольстве Британии. Именно ему чаще всего мы передаем товар. Полагаю, его профессия – всего лишь прикрыtie. На самом деле может быть агентурным работником.

– Предположения оставь при себе, – попросил Мотор. – Фицрой получает товар и укрывает его за стенами посольства. Дальше что?

– Не имею понятия. Полагаю, что алмазы по дипломатическим каналам уходят из России. Не думаете же вы, что я слежу за их перемещениями, когда получаю деньги за услуги?

Заложник впервые за много дней усмехнулся, и разбитые губы снова закровоточили.

– А у американцев кто засветился?

– Называет себя Эндрю Сквайром. Может, врет, как и Фицрой. Но именно под таким именем встречается с кем-нибудь из нас.

– Алмазы точно контрабандно уходят за бугор? – Мотор встал и прошелся по добротному, но уже старому деревянному полу, сложенному из лиственничных плах. Надо бы здесь залить все бетоном и выложить плиткой. Сыро. Даже стены в некоторых местах плесенью покрыты. Неуютно находиться в таком помещении. Грибок буйствует, пожирает здание.

– Да. По слухам, что часть алмазов проходит огранку и выставляется на аукционах, а остальное дробится в пыль. Ну, там самые мелкие и дефектные камни.

– Зачем? – очень удивился Мотор.

– Не знаю. Есть одна версия, которая не лишена смысла. Это делается для того, чтобы смешивать дробленые алмазы с каким-то магическим составом. Потом все добро исчезает в лабораториях, и что там делают с ними, мне неизвестно. Но именно оттуда выходит продукция, ради которой скупаются алмазы. Она поступает на черный рынок, а оттуда расползается по свету. Барыши баснословные, если хозяева считают такой варварский способ нужным и готовы платить за алмазы твердой валютой.

– погоди, так это же... Не про «радугу», случаем, ты сейчас говоришь?

– Да, она и есть. Алмазная пыль, смешанная с какой-то магической гадостью. Технологический процесс мне неведом, врать не буду. Все, что знал, рассказал.

Узник поник головой. Видно, последние слова выбили из него все силы: и душевные, и физические.

– Курьер получает свои деньги сразу после приезда в столицу или ждет их от вас?

– Конечно, мы ему сразу передаем оговоренную сумму. Свое берем от иностранцев.

Щелкнуло лезвие выкидного ножа. Мотор разрезал веревки и похлопал мужчину по щеке.

– Молодец, можешь, когда хочешь. Вот тебе бумага и ручка. Напишешь то же самое, что мне поведал. А вдруг еще что вспомнишь. Ты, главное, не стесняйся, пиши любые сообра-

жения. Не забудь имена своих подельников, всю цепочку в Петербурге, в общем. Если хозяину понравится – в шоколаде будешь.

Глаза заложника, наполненные страданием, блеснули ненавистью и ожиданием чуда одновременно. На последнее он не надеялся, справедливо полагая, что его ждет пуля в затылок или финка под ребра.

Мотор зашел в небольшую комнату на втором этаже, нагретую ласковым весенним солнышком, и с усмешкой глянул на молодого парня, напряженно всматривающегося в запись допроса. По несколько раз крутил какой-нибудь момент, шевелил беззвучно губами, тарабанил по столу пальцами, на одном из которых красовался перстень с рубином в обрамлении платиновой свастики.

– Ну, как тебе клиент? – спросил он с гордостью.

– Не понимаю, – откинулся на спинку стула Никита. – Зачем было упираться и доводить себя до такого состояния?

– Значит, на самом деле за его спиной опасные ребята стоят, – Мотор сел на свободный стул. – Я сказал Окуню, чтобы он присмотрел за фраером, пока тот пишет покаянное произведение. Что сам думаешь? Правильно мы взяли за эту муть?

– Как только услышал про «радугу» – правильно, – Никита выключил монитор. – Странно, а я считал, что «радуга» изготавливается из других компонентов, но никак не из пыли драгоценных камней. Хм... Мотор, меня беспокоит уве-

чье нашего клиента. Если подельники разыщут парня – сразу сообразят, что кто-то пытается к ним на хвост сесть. Это недопустимо. Кажется, мы вышли на серьезных людей. Теперь нужно быть очень и очень осторожными. Я уже теперь думаю, что началась чистая авантюра. Своими силами нам не справиться.

– Значит, все зря?

– Почему же? – Никита с хрустом в позвонках потянулся. – Информацию можно выгодно продать.

– И в чем она заключается?

– Например, – волхв встал и подошел к окну. Отдернув занавеску, посмотрел сверху на внутренний двор особняка, – есть такая Служба имперской безопасности, которая с удовольствием примет на себя дальнейшую разработку маршрута. Есть контрразведка. В Коллегии иерархов существует СКИБ, который на «радугу» имеет стойку похлеще охотничьих псов. Опытных людей хватает. Дело в том, что контрабанду камнями никто не связывает с «радугой». Даже я не ожидал такого подарка.

– Ну, это все ясно. – Мотор озадаченно вытащил из кармана пачку сигарет, но закуривать не спешил. – А мы какой профит будем иметь?

– Иммунитет, – просто ответил Никита.

– Что? – не понял Мотор.

– Аккуратно отработаем связи, маршруты. Я передам всю информацию человеку, который доведет ее до императора.

Взамен потребую гарантий. Пока не могу сказать каких. Но кое-какие мысли вертятся. В обиде не будем. Всем на жизнь хватит.

– А что делать с нашим убогим? – тихо спросил Мотор. – Вообще не отпускать или завалить для надежности? Я бы избавился от него.

– Когда вы его накрыли?

– Три дня назад.

– Три дня, – задумался Никита. – Значит, надо увеличить мощность заклятия, чтобы надежно стереть из памяти последние дни. И вложить ложные сведения. Например, с инструментом работал, зазевался – отхватило два пальца.

– вполне может быть, – кивнул Мотор. – Несоблюдение техники безопасности при работе с циркулярной пилой. Ха-ха! Может прокатить!

– Надо будет немного подлечить клиента. Пока никуда его не отпускайте. Пусть пишет свои мемуары. Кормить от пуза, ни в чем не отказывать. Жить будет там же, в подвале. Дайте ему нормальную постель и не запрещайте принимать ванну. И никакого физического воздействия. Хватит. И присматривайте за ним. Кстати, сделайте видеозапись. Чтобы уж наверняка поверили. Записывайте не в подвале, а в этой комнате на фоне пустой стены, затянутой простыней. Лицо клиента тоже прикройте. Чтобы ни один спец не вычислил место, где мы держим посредника.

– Ладно, это понятно. А дальше? Его же искать будут, по-

ка он у нас зависает, – справедливо заметил Мотор. – Могут вычислить. Чем отмахиваться будем? Старым пердуном Якутом? Или Маруськой-горничной, которая дом убирает?

Он захохотал. Никита тоже улыбнулся. В отличие от Мотора, он нисколько не парился, что посредника будут искать. Никто его не найдет. Следы запутали, ауру сбили. В перспективе вообще можно изменить ее узор парой процедурных переливаний крови. Там такая мешанина будет, что все маги – российские и зарубежные – рукой махнут. Хорошо сработали, чисто. Не думал Никита, что столкнется с «радугой» в таком аспекте. Получается, что магокристаллы изготавливаются из алмазного порошка и еще какой-то гадости и потом обратным путем возвращаются в Россию, и не только сюда. Вся Азия заполонена этим продуктом. Ладно, эта новость на перспективу. Когда все факты будут подтверждены – доклад ляжет на стол императора. Пусть сам вычищает дерьмо из страны.

– Я приеду через пару дней, – пообещал Никита, – и тогда решим, что делать. Думаю, придется еще подержать взаперти.

– Шеф, надо подвал в порядок привести, – вспомнил Мотор. – Стены оштукатурить, на полах бетонную стяжку сделать, кафель положить. Антисептик тоже не помешает. Вентиляцию там, туалет. Реально хреново туда заходить. Если мы каждый раз таким макаром признания выбивать будем – запаримся все отмывать.

– Я думал об этом, – кивнул Никита. – Давай, закончим с клиентом, а Якут пусть начнет искать подрядчика. Сделайте смету, сколько чего понадобится.

– Так подрядчик обсчитает, – пожал плечами Мотор.

– Обсчитает он, ага, – хмыкнул волхв. – Надо же самому знать примерную стоимость ремонта и прокладки коммуникаций. Туда же еще канализация пойдет, электроника разная. Делать – так по уму. Думаешь, я буду деньгами сорить?

– Думал – будешь, – осклабился Мотор.

– Хренушки, – Никита встал, потянулся. – Я не такой бедный, чтобы ассигнациями раскидываться.

– Не понял!

– Я о том, что за косяки подрядчика дважды платить не собираюсь. Из своего кармана выложишь. Так что отнесись к ремонту сознательно. Сам особняк еще в хорошем состоянии, но и до него очередь дойдет. И, кстати, найми садовника. Ты видел, какой здесь заброшенный сад? По уму сделаете – красота будет!

– Понял, – кивнул Мотор серьезно. К словам Назарова он, несмотря на некоторые странные просьбы, относился без усмешек. Особенно после ловкого маневра, позволившего устранить с горизонта Лобана. Четко его подставили с контрабандой алмазов и «радуги». Влетел бывший пахан по самую маковку в дерьмо. Теперь поет следователям так, что соловьи позавидуют. А как иначе? Статья расстрельная. А молодой хозяин, которому сам Мотор, Окунь и Якут стали

служить, посадил их на «оклад», выделил дебетовую карту на сто тысяч рублей для различных нужд, и это не считая покупки старого разваливающегося особняка в пригороде Петербурга. Какой-то дворянчик разорившийся, отчаявшись скинуть неликвид, согласился на символическую сумму. Иначе вообще ничего бы не получил, так бы до старости и куковал с тяжелой ношей в виде двухэтажного каменного особняка и шикарного, но захламленного яблоневого сада. Единственная досадная неприятность от «закрытия» бывшего шефа – Мотора со своей компанией будут искать вдвойне рьяно.

Подставным хозяином сделали Юрия Степановича Иванова – именно так непритязательно звали сейчас Мотора. По крайней мере, он скромно представил свою персону в таком свете.

– А где Якут, кстати? – вспомнил Никита. – Как продвигаются дела по его направлению?

– Уехал в Петербург, – доложил Мотор. – Налаживает старые связи, надеется через них уцепиться за Хазарина. Говорит, есть у него парочка старых приятелей. Пустое дело, конечно. Что воры могут знать о ранговом волхве?

– Авось и удастся, – пожал плечами Никита. – Пусть работает, а не бока отлеживает. Надеюсь, старые дружки не сдадут его. Лишь бы успел к моменту сползания личины уехать из Петербурга.

Мотор загоготал и пояснил:

– У него без всякого заклятия морда округлилась, лоснится вся. На самого себя стал непохож.

– Ладно, – усмехнулся Никита, спускаясь вместе с Мотором вниз по широкой лестнице, ведущей в скромный холл на первом этаже. «Сюда придется вложить большие средства, – мелькнула мысль у волхва, – иначе я рискую получить стойкую идиосинкразию на унылые стены и разваливающуюся мебель».

Они вышли на улицу, где Никиту дожидалась серебристая «Ладога-бриллиант» из новой линейки известного русского автоконцерна. На капоте вместо заводского шильдика красовался герб Назаровых: рубин в солнечной свастике. Теперь он мог себе позволить позиционировать себя как представитель аристократии второго уровня.

По мнению Мотора, машинка была среднего класса, но уже прославилась своими ходовыми качествами, устойчивостью на дорогах при скорости свыше сотни километров в час, мощной рамой, большим салоном и звукопоглощением. Действительно, едешь, наслаждаешься только мягким шелестом шин. Сплошная релаксация. В общем, на любителя. Никита мог бы и на более представительную тачку раскошелиться. Но с хозяйскими вкусами не спорят. Парень скромненький, еще не привык к своему новому статусу, явно смущается пристальным вниманием прессы, телевидения и крупного дворянства. А как же иначе? Владелец корпорации «Изумруд», к которой проявляет лояльность и государственный интерес сам импе-

ратор Александр; совладелец такого же гиганта, известного как «Гранит», да еще кучи текстильных мануфактур. Поговаривают, что сам помощник министра внешней торговли Карпович пытается объединить усилия с частными производствами Назаровых, чтобы продавить продажу русских тканей на южном направлении, где сильно влияние арабского текстиля. Ни фига у них запросы.

Никита открыл дверцу машины, задумался, словно проигрывал в голове моменты, которые мог забыть сказать Мотору.

– Как тачка, хозяин? – все-таки полюбопытствовал «управитель» особняка.

– Хорошая, мне нравится. Усилил функционал движка через магические плетения, – усмехнулся Никита. – Вспомнил, как обслуживал спортивные тачки в Албазине. Опыт помог. По дороге как по линейке идет, не рыскает, скорость приличная, мне хватает.

Ага, как же Мотор забыл, что для рангового волхва улучшить тачку под свои требования – раз плюнуть. И не важно, что это «Ладога». Фору может дать и немецким «бенцам» с «хорьхами».

Никита протянул руку Мотору, тот крепко пожал ее и отошел в сторону, чтобы «Ладога» развернулась на небольшом асфальтовом пятачке возле крыльца. Ворота с самого приезда Назарова стояли открытые. Не было еще слуг, чтобы выполнять мелкий функционал, а Мотору запахло брать на се-

бя роль привратника. Потом Окунь закроеет. Да и кто сюда сунется? Редкие соседи раскинуты на площади нескольких гектаров. Слухи о новом хозяине уже пошли по округе, но были несколько специфичными: якобы слетевший с катушек чайный купец решил влиться в нижний дворянский сегмент. Ясно, что никто с визитом вежливости не заявится. Это же «фи» для аристократов, даже тех, кто с голой задницей. Такая ситуация полностью устраивала Никиту и его команду.

Никита проехал по старой асфальтовой дороге, покрытой трещинами, оставив позади дворянский поселок, аккуратно вырулил на оживленную трассу и, включив громкую связь, набрал на телефоне, закрепленном в специальном пластиковом держателе, номер и стал ждать, когда закончатся гудки.

– Никита! – ворвался в салон машины жизнерадостный голос Тамары. – Ты где? Мы тебя ждем к обеду, а ты и не соизволил вовремя приехать! Куда пропал?

– Здравствуй, солнышко. Пришлось из Академии в одно местечко заехать. Уже возвращаюсь. Буду через полчаса.

– Ладно, дождемся, не помрем с голоду. Опять свои мужские тайны от меня прячешь?

– Ага, слишком мужские, – усмехнулся Никита, вспоминая разбитое лицо посредника и страшные кадры отрезанных пальцев. – Не для барышень.

– Понятно, – вздохнула девушка. – Ладно, приезжай скорей, но и не гони сильно по дороге.

Вот же логическое противоречие! И как поступить? Ни-

кита услышал щелчок отбоя и сформировал защитный купол, обливший машину прочной пленкой. В случае аварии пострадает только корпус, а человек останется жив. Просто Никита соскучился по Тамаре, и сердце его, трепеща от предстоящей встречи, рвалось вперед быстрее «Ладоги».

Глава вторая

Коротко просигналив, Никита остановился возле ворот дворца Меньшиковых, спокойно ожидая, пока пройдет проверка на КПП его номеров. Еще не привыкли, паразиты, к новому гостю, появляющемуся здесь каждые выходные. Ребята из команды Марченко, конечно, без проблем пропускают, даже не заморачиваются, как только видят серебристый «бриллиант» на подходе. Сегодня, видимо, молодые бойцы сидят, опасаются косяков наделать и пропустить ненужных визитеров. Ну, вот, дрогнули створки, зашумели сервоприводы, распахивая трехметровые тяжелые кованые ворота. Еще раз нажав на клаксон – так, шутки ради, с намеком, что героев надо в лицо знать – он завел машину на территорию дворца и поехал в сторону левого крыла. Ага, там уже оживление. Рядом с Тamarой, накинувшей на плечи легкий весенний плащ, крутится Венька. Тот еще любитель техники. Сейчас начнет клянчить протестировать «Ладугу». Подкатив с мягким шелестом шин к крыльцу, не стал заглушать двигатель, выскочил наружу и осадил Веньку, тут же оказавшегося рядом.

– Два тестовых круга, не больше, понял? – строго напутствовал Никита, помня предупреждение Тамары, чтобы не поддавался на слезливые просьбы хитрого парня.

– Да, господин Назаров! – весело кивнул Венька и нырнул

в салон.

Никита раскинул руки и встретил шагнувшую к нему девушку крепкими объятиями. Отстранившись, Тамара взъерошила ему волосы на макушке и засмеялась, когда паршивец Венька просигналил им из машины и повел ее за угол дворца.

– Соскучилась? – Никита выставил локоть, и Тамара обхватила его. Они медленно пошли в сторону распахнутых слугами дверей.

– Как сам думаешь? Появляешься один раз в неделю, даже поговорить толком не успеваем, – лукаво произнесла княжна, поглядывая на Никиту сбоку. – Ой, а ты усы сбрил!

– Ай, какие-то жидковатые, не растут, – расстроено махнул рукой парень. – Неправильно сделал? Вообще, в Академии для первокурсников существует запрет на ношение усов. А также для вторых и третьих...

– Да, так лучше будет, – засмеялась Тамара. – Ладно, иди поздоровайся с родителями. А я пока Катьку из-за компьютера вытащу.

Никита уверенно прошел через анфиладу служебных комнат и оказался в гостевой зале, залитой ярким светом весеннего дня. Блестел хрусталь на люстре, блики от зеркал и позолоченных рам скакали по стенам, легкая огромная занавесь едва колыхалась от свежего воздуха, проникающего через раскрытые створки окон. Великий князь первым увидел входящего Никиту, откинул газету в сторону и вальяжно

встал, подкручивая густые усы.

– А вот и герой газетных заголовков, – усмехнулся Меньшиков, благосклонно принимая короткий кивок Никиты, потом протянул руку и крепко сжал пальцы парня. – Не давит земная слава? Как дела, Никита?

– Все в порядке, Константин Михайлович, – успокоил его волхв. – Учеба до безобразия уныла, в экономическом секторе без изменений. Только выходные дни спасают.

– Это как посмотреть, – покрутил головой великий князь. – Будешь полтинничек?

– Я же не пью за рулем! – засмеялся Никита, поняв, что Меньшикову хочется употребить коньячку перед обедом.

– Опять ты, отец, пытаешься из мальчика сделать своего союзника по дегустации алкоголя! – раздался веселый голос Надежды Игнатьевны. Она появилась в зале с парой работниц, везущих на тележках обед, и на ходу раздавала поручения. – Здравствуй, Никита!

Княгиня, нисколько не чинясь, обняла волхва и трижды расцеловала. Никите она очень нравилась. Сравнение с матерью, которая могла бы быть такой же ласковой и простой, больно ранило его сердце, и отношение Надежды Игнатьевны к своей персоне он воспринимал положительно. Материнской любви ему не хватало – он это понял после нескольких визитов к Меньшиковым. А княгиня знала историю найденыша без всяких прикрас и пыталась хоть как-то компенсировать огромную эмоциональную дыру у молодого Наза-

рова.

– Добрый день, Надежда Игнатьевна, извините за опоздание, – развел руками Никита, одергивая пиджак. – Представляете, вдруг появились дела даже в выходной.

– А я и говорю – кому как! – Великий князь недовольно посмотрел на часы. – И где наши дети? Почему до сих пор они не за столом?

Сашка ворвался с диким воплем, размахивая руками, и сразу же бросился к Никите. Вцепившись в него, заорал:

– Никита! Покажи люзию!

Это он так просил показать ему фокус с иллюзиями. Мальчишке нравилось, когда Никита разворачивал перед ним сказочное действие с участием драконов и рыцарей. Простая голографическая картинка, записанная в структуру плетения простенького амулета в виде перстенька с аметистом, разворачивалась по короткому росчерку пальца и заполняла комнату беззвучными вспышками огня, блеском мечей, взмахами огромных чешуйчатых крыльев в уменьшенном масштабе. Как раз для ребенка, который мог часами созерцать волшебство. Иначе бы на представление сбежался весь персонал дворца.

– Так, Александр Константинович, только после обеда! – не поддался на провокацию малолетнего хитреца Никита. – Иначе никаких люзий. Ты знаешь, что магам иногда надо кушать, чтобы создать грандиозную картинку?

– Не-а! – мотнул головой Сашка, но под предупреждаю-

щий рык отца тут же рванул на свое место.

– А кто-то обещал меня научить этим «люзиям»! – раздался насмешливый голос Катерины.

Никита повернулся и с улыбкой увидел двух сестер, успешших принарядиться по случаю его визита. Какие же они красивые и непохожие! Девчонки, как сговорившись, надели короткие платья, соорудили на головах какие-то замысловатые прически, что вызвало зубовный скрежет Константина Михайловича. У отца к легкомысленным нарядам, показывающим слишком много для постороннего (Никита, при всем его сближении с Тамарой, еще не получил полного доверия), было свое мнение. Но сейчас на него внезапно накатила грусть, когда он увидел, как повзрослели его дочери, пытаясь своей красотой показать, в первую очередь папочке, что они выходят из-под его влияния. Тем более, рядом был молодой парень, который мог оценить их. Он и оценивал. Растянул рот в улыбке, лягушонок.

Катька степенно подошла к Никите и позволила поцеловать себя в руку. Потом взвизгнула и повисла на его шее, болтая ногами в воздухе.

– Мы будем обедать или обойдемся поцелуями? – строгий и сухой голос матери разбил безобразие и заставил всех утихомириться и занять места за длинным столом. Прислуга во главе с седым Василием шустро провела первую подачу горячего. Уступив нажиму великого князя, Никита позволил себе бокал красного вина. Завзятым трезвенником он и не

был, просто не испытывал потребности в алкоголе. Ну, раз надо – значит, не стоит компании ломать желание. Тамара, сидевшая с ним рядом, благосклонно кивнула головой.

– Никита, я слышал, что вы скоро всей Академией выдвигаетесь на учения? – полюбопытствовал Меньшиков. – Куда, если не секрет? Впрочем, мне-то положено знать.

– Да нет секрета, – орудуя ложкой в супе, ответил Никита. – Через три недели уезжаем на северный полигон.

– Гельсингфорс? – усмехнулся Константин Михайлович. – Ну да. Отработка взаимодействия пехоты и морских подразделений. Шхеры, фьорды, десант. Генштаб активно моделирует театр боевых действий в прибрежной зоне.

– Точных планов нам никто не говорит, – Никита переглянулся с Тамарой и заметил в ее глазах грусть. – Но судя по тактическим занятиям – так и есть. Хотя предупредили, что в последний момент могут сменить дислокацию.

– На сколько уезжаете? – быстро спросила девушка. Она уже слышала, что предстоят учения, но всех подробностей не знала.

– Не могу сказать точно. Минимум два месяца. Потом – каникулы, – постарался утешить княжну Никита. – Да это быстро. Не успеешь проморгаться – уже лето... Как думаете, Константин Михайлович, моделирование именно такой тактической схемы совпадает с ТВД Южной Азии?

– Ага, сообразил! – довольно улыбнулся князь. – Кроме фьордов – да. Ну, особой точности никто и не требует. Бе-

реговую зону можно использовать любую. Даже лучше, если усложненный рельеф будет.

– Так, мужчины! – голос Надежды Игнатьевны прервал их разговор. – О своих тайнах и военных доктринах можете говорить в курилке или в кабинете. Вы навеваете на девочек скуку.

– Ничего подобного! – возразила Катерина. – Это гораздо лучше, чем ежедневное выпиливание кусков мозга про учебу!

– Катька! – по-простецки взвился отец. – Ты мне поговори еще! Совсем от рук отбилась! Кстати, я прекрасно осведомлен о твоих успехах, но это не отменяет родительского контроля.

– Если хорошо закончу гимназию – машину купите? – с надеждой спросила девушка. – Как у Тамары, кар.

– С чего такие запросы? – удивился князь и посмотрел на жену. Надежда Игнатьевна промолчала, но улыбнулась, глазами показывая, что поговорит на эту тему позже и без свидетелей.

После разборок с Ларисой Зубовой Тамара некоторое время с настороженным вниманием приглядывала за Никитой. Чтобы полностью отстраниться от внешних раздражающих факторов, она просила волхва увозить ее к себе домой, чтобы в спокойной обстановке проводить обследование. Девушка признавалась сама себе, что в маленьком особняке ей было уютно и спокойно. Она усаживала Никиту в кресло, а са-

ма начинала сосредоточенно, подобно просвечивающим лучам рентгена, обследовать его ауру. С самого первого раза стало понятно, что Лариса свое обещание выполнила. Никаких следов не осталось. А вот Тамара всю пользовалась полным доступом к полевой структуре молодого волхва. Она плела «кольчужку» уже по второму и третьему кругу, добавляя узоры и укрепляя те сочленения в плетениях, которые казались ей слабыми. В результате долгих экспериментов на Никиту княжна установила такую броню, что самой показалось излишним. Но ломать свое произведение магического искусства Тамара не стала.

Каждый раз, заканчивая свою работу, она уезжала обратно в сопровождении кого-либо из гвардейцев. Отцу бы не понравилось отсутствие дочери, и даже упрочившиеся отношения между молодыми людьми не давали повода Тамаре рисковать своей репутацией. Жадные до слухов и сплетен репортеры бульварных газет не преминули бы воспользоваться ситуацией и выяснить более пикантные подробности встреч между будущим – как им казалось – зятем великого князя и его дочерью.

Провели смену блюд. Орудую вилкой, Константин Михайлович умело потрошил запеченного осетра, собираясь с мыслями. Вопрос отношений его дочери с Никитой волновал больше, чем предстоящее заседание Кабинета, на котором император со своими помощниками должен выяснить, как быть с маньчжурами. Азиатская проблема назревала давно и

грозила выйти из-под контроля.

– Я хотел бы поговорить с тобой, Никита, пока есть возможность, – сказал он, наконец, глядя на молодых. Тамара демонстративно положила свою руку поверх руки волхва. – А то получается, мы в таком кругу встречаемся не так уж и часто, и все время что-то отвлекает. Какие у тебя планы на будущее? Ну, хотя бы в первые два года?

– Да вроде бы все понятно, – пожал плечами Никита, осторожничая со словами. Что имеет в виду великий князь? Не влететь бы в ловушку. – Пока учеба в Академии, работа над дипломом и, конечно, внимательное отслеживание дел корпорации.

– Насчет твоего финансового благополучия – в «Изумруде» есть толковые управляющие, не так ли?

– Да, сейчас я никаким образом не смогу взять бразды управления в свои руки, – подтвердил Никита. – Правда, не заморачиваюсь. Я успел познакомиться с некоторыми людьми из координационного совета. Уверен в них.

– А... – князь описал черенком вилки круг перед собой, – что у вас в отношениях? Конечно, я понимаю: учеба, желание вкусить свободы и прочие... прелести. Думал насчет Тамары?

– Отец, ты не вовремя завел этот разговор, – покачала головой княгиня. – Дай им определиться. Они еще молоды, и не стоит детей подталкивать к ошибкам.

– Ну, почему же? – не выдержала Тамара и с вызовом по-

смотрела на отца. – Мы любим друг друга и о своем будущем уже говорили не раз. И хорошо представляем, что будем делать.

– Поведай, – великий князь жестом показал, чтобы вся прислуга покинула зал. Оставшись в узком семейном кругу, он выжидающе посмотрел на Никиту, словно давая ему право взять слово.

– Да, Константин Михайлович и Надежда Игнатьевна, – правильно понял парень. – Я люблю Тамару, как и она меня. Мы хотим пожениться ближе к осени, с вашего благоволения, конечно. Не так хотелось объявить о нашем решении. Я же понимаю, что нужна помолвка и прочие атрибуты. Но раз так вышло...

– Это не проблема, Никита, – махнул рукой князь. – О помолвке объявим, как надо и когда надо. Об этом не переживай. Меня волнует другое: почему так быстро? Впереди у Тамары еще четыре года учебы, у тебя чуть больше, а потом распределение по войсковым частям. Неопределенность какая-то...

– Так хотел дед, – честно признался парень. – Он хочет увидеть нашу свадьбу, пока жив. Патриарх очень плох после Петербурга. Редко ходит, жалуется на боли в ногах. Мне хочется отблагодарить его за все, что он сделал для меня. Мы поженимся, а дальше... Дальше будет видно.

Тамара сжала его пальцы. Надежда Игнатьевна кивнула, словно поддерживая решение молодых людей.

– Ура! – завопил Сашка, вскидывая руки вверх. – Жених и невеста!

– Княжич, неуместно вопить дурным голосом, как болотная крокозябра, – холодно произнесла Надежда Игнатьевна. – Стыдитесь.

– А кто такая крокозябра? – заинтересовался пацан.

– Противная жаба, которая орет по ночам от вредности, – тут же заявила Катерина, напряженно слушавшая разговор. – Вот будешь так орать, превратишься в нее. Понял?

Сашка надулся и завертелся на стуле, потеряв интерес к происходящему.

– Ну да... Просьбу Анатолия Архиповича надо уважить. Действительно, такая глыбища, всю свою жизнь защищавшая род, достойна этого. Что ж, главное от вас я услышал.

– Может быть, пора подавать десерт? – спросила княгиня. – Право, не стоит сейчас уделять столько времени почти свершившемуся факту. Главное, не допустить очередных провокаций со стороны некоторых лиц вроде князя Балахнина. Что-то он в последнее время активизировал встречи с вашими оппонентами, дорогой.

– Он думский деятель, встречается с теми, с кем хочет, – поморщился Константин Михайлович. Вот уж, на самом деле, заноза крупного масштаба. Чертов оппозиционер, англофил. Причем ярый противник экспансии России на Дальнем Востоке. Еще нужно учитывать, что он ищет сближения с министром финансов князем Гагариным, а к чему это при-

ведет – и так ясно. Порезут денежные потоки, идущие через Меньшикова, база в Вонсане начнет испытывать некоторые проблемы, мобилизационные планы тоже придется корректировать.

– Кстати, ко мне выходили с просьбой устроить встречу, – сказал Никита, откладывая вилку и нож. – Представители Абрамовых, Орловых. Такое ощущение, что каждый из них старается заполучить меня в друзья.

– А в чем причина? – задумался Меньшиков.

– Совместные проекты, не иначе. Оказывается, кто-то успел слить в прессу часть моих доходов, идущих на банковский счет от «Изумруда». Неприятно, если честно. Но цифры оказались засвеченными. А у Абрамовых, я понял, есть проблемы с разработкой нового стрелкового оружия. Деньги Генштаб не выделяет, вот и ищут частных вкладчиков.

– Насчет твоих счетов я дал распоряжение. Видел эту пакость бульварную. Болтунов накажут, – сказал Константин Михайлович. – С волчьим билетом на Сахалин. С Абрамовым на контакт можно пойти, но денег не давай. Просвистит их, как пить дать. Он больше к Балахнину тяготеет, так что делай выводы.

– Неужели союзников так трудно найти? – вздохнул Никита. – Оказывается, тут по сторонам надо головой вертеть, чтобы в карман не залезли!

– Столица, брат! – засмеялся князь.

Надежда Игнатьевна позвонила в колокольчик, и прислу-

га принесла десерт. Разговор сразу съехал на несерьезные темы, вроде тех, «а не пора ли нам навестить бабу Агату в ее мрачном и одиноком поместье?». Наскоро расправившись с бисквитными пирожными и чаем, Никита спросил соизволения «украсть» Тамару до завтрашнего дня. Он понимал, что может получить жесткий отказ у великого князя, и так уже с подозрением смотрящего на отлучки дочери. Меньшиков отставил в сторону чашку и вместо ответа сказал совершенно другое:

– Я бы хотел поговорить с тобой наедине, Никита, пока дамы уничтожают сладкое.

Великий князь пригласил Никиту в свой рабочий кабинет, плотно закрыл дверь и неожиданно попросил:

– Повесь-ка свои заглушки, чтобы никто нас не подслушал. Ты же умеешь ставить завесу? Валентин на тебя частенько жаловался, что не способен пробить твою уникальную защиту. После твоих визитов к нам он с особой тщательностью проверяет свои защитные модули. Опасается, что и здесь ты их выжигаешь.

Он усмехнулся.

– Не вопрос, – Никита выудил из своих арсеналов готовые модули защиты и развесил их по кабинету. Глушить ничего не надо. Просто «амебы» уничтожат любого магического чужака с аудиовизуальным контролем. Даже княжеские камеры, если они здесь есть. С великим князем нужно держать ухо востро. Любит играть двумя руками. Но непроницаемую

«завесу» все же поставил. – Все, можно разговаривать.

– Я, пожалуй, приму полтинничек, – как нашкодивший мальчишка, Меньшиков оглянулся на дверь, потом подошел к стеклянному бюро и достал оттуда «Мартелл», уже наполовину опустошенный. Плеснул в широкий стакан на половину пальца и прошел с ним к своему креслу, не забыв захватить бутылку. – Да ты садись, где удобно. Возле окна или двери...

– Спасибо, – волхв выбрал себе место в глубине кабинета, чтобы его лицо оставалось в полумраке. От князя Константина можно чего угодно ожидать. Начнет задавать неудобные вопросы, а сам в это время будет реакцию изучать.

Меньшиков сидел за широким столом и двигал по зеленому сукну стакан с плещущейся в нем жидкостью.

– Никита, давай будем говорить, как мужчина с женщиной, – наконец, решился Константин Михайлович. – Я рад, что ваши отношения переходят на другой уровень. Вижу, что твои слова – не пустословие и обычная бравада. Еще раз хочу спросить: ты уже точно все обдумал? Назад пути не будет? Ты только не увертывайся, как червяк от крючка, а скажи прямо, без всяких там эвфемизмов. Да или нет.

– Нет, ваше высочество, – признался Никита. – Никаких изменений. Назад пятиться не буду.

– Угу, хорошо. И еще: я надеюсь, что твоя добропорядочность не даст совершиться глупости.

Никита густо побагровел. Он понял, какой намек вложил в свои слова Меньшиков, сам в это время пристально глядя-

щий на волхва. Казалось, его глаза так и хотели пробуравить черепную коробку юноши и увидеть настоящие мысли, которые могли содержать в себе много интересных вещей. Никита отрицательно покачал головой и добавил:

– Можете на меня положиться.

– Это хорошо, – вздохнул Меньшиков и пристукнул ладонями по столу так, что стакан с коньяком подпрыгнул и выплеснул жидкость на суконную поверхность. Звякнул сам по себе старинный серебряный колокольчик, стоящий на подставке как элемент декора. Им уже давно не вызывали прислугу. – Я хотел бы верить в твою сдержанность и дальше, но излишняя эмоциональность Тамары, которая сама на себя не похожа в последнее время, заставляет меня насторожиться. Мы – публичные люди, Никита, за нами сотни глаз смотрят. Поэтому хочу предупредить тебя о крайней осторожности в ваших отношениях! Ты меня понимаешь?

– Конечно, я все понимаю, ваше высочество, и даю слово дворянина, что между мной и Тамарой не было никаких компрометирующих ситуаций, – кивнул Никита.

– Я рад, что ты проявляешь сдержанность, – довольно проговорил Меньшиков, откидываясь на кресле. – Не ошибся в тебе.

– Вы меня проверяли? – спокойно поинтересовался Никита.

– Конечно, не без этого. Надо же удостовериться в твоей лояльности. Только вот гложет меня сомнение. Ты хочешь

жениться на Тамаре ради нее самой или принести пользу клану Меньшиковых? Если преобладает первое желание – мы расстанемся. Мне не нужен в зятях поместный дворянин без лояльности. Есть партии лучше.

– Не жаль вам свою дочь? – сжав зубы, спросил Никита. Признаться, он был удивлен переменной приоритетов Меньшикова.

– Жаль, – признался великий князь. – Но мне важна твоя позиция. Что ты скажешь? Готов в одной упряжке с нами идти?

– То есть Назаровы должны принять вассалитет императорского клана?

– Именно это я хочу от тебя услышать.

– Ваше высочество, вы ставите меня в трудное положение, – Никита понял, что сейчас перед ним появился хищник, подловивший его на узкой горной тропе. Шаг влево – жуткая пропасть, шаг вправо – непреодолимая гранитная стена. А за спиной нет надежного союзника, который мог подсказать нужный ход. – Я не могу решать такие вопросы без патриарха рода. Вы прекрасно об этом знаете.

– Никита, твой прадед уже не может влиять на твои решения, – отпил из стакана Меньшиков. – А скоро вообще ты останешься один. Двоюродные родственники не в счет, потому что мнение людей, отколовшихся в свое время от рода, патриарха не интересует. Ты – хозяин всего наследия.

– И тем не менее – патриарх еще живой, – упрямо мотнул

головой Никита, лихорадочно соображая, есть ли выход из тупика. – Вы торопите события, ваше высочество. Я хотел бы отложить решение вопроса на некоторое время.

– Но и я могу отложить свадьбу на неопределенный момент, – усмехнулся Меньшиков.

– Не понимаю вас, – Никита слегка занервничал и решил бить первым. Ситуация становилась опасной и пахла нехорошо. Его начали шантажировать. – Вы же сами разработали целую комбинацию, когда купили Тамаре дом рядом с особняком Барышева в Албазине. Думаете, я до сих пор не знаю, для каких целей? Вам в клан нужен был одаренный наследник. Китсеры слили вам информацию, что я являюсь обладателем Пяти Стихий. Еще бы разобраться, откуда у них она появилась! Усилив клан Меньшиковых мной и детьми Тамары, вы приобретаете небывалую мощь. Кто устоит против таких одаренных?

– Ах ты ж... – удивленно проговорил Константин Михайлович, не ожидавший, что парень пойдет на обострение, удачно развернув беседу в другую, совсем не нужную хозяйину кабинета сторону. – Каков кусачий щенок оказался!

Он стал похож на огромного сома, выдернутого из своей уютной тины. Разевая и закрывая рот, великий князь силился что-то еще сказать, но получился какой-то рык раненого зверя.

– Я, как дворянин, да и просто как человек, не заслужил таких упреков с вашей стороны, – побледнел Никита. – Тама-

ра Константиновна – самое дорогое, что у меня есть в жизни. Единственное, что останется после смерти патриарха, – это она. Я очень люблю вашу дочь и добивался ее благосклонности как мог. И спас ее тоже я. Хотя бы не мешайте нам. К чему ваш скоропалительный допрос? Зачем шантажировать меня любовью к Тамаре? Вам не идет такая роль, ваше высокочество. Требуете скорейшего ответа по вассалитету Назаровых? Не будет такого. Решение мы примем после обсуждения в кругу рода Назаровых. Но раньше я расскажу Тамаре, как вы внедрили в ее память закладку, чтобы она увлеклась именно мной, а не кем-то другим, более достойным молодым человеком из высшей аристократии. И до сих пор не знает, но догадывается. Я просто случайно обнаружил чужой блок в ее ментальном поле, но побоялся трогать. Будет честно, если вы сами уничтожите его. А я доказал, что достоин Тамары.

Великий князь закрыл рот и хлопнулся задом на кресло. Рука его дернулась за бутылкой. Вместо очередной порции в стакан Меньшиков приложился к горлышку, хлебнул чересчур много и поморщился.

– Выпьешь? – тоном ниже спросил он.

– Я не пью, – холодно ответил Никита. – Благодарю вас.

– Да сядь уже, вытянулся, как солдафон перед генералом, – слабо махнул рукой князь и вскинул голову. – Разговорился. Шантаж... Все расскажу Тамаре... Как ребенок, ей-богу. Ничего ты не расскажешь. Признаюсь, решил проверить твою стойкость духа. Конечно же решение должен

принимать совет рода. Знаешь свои права. А ты молодец, не побоялся ответить отказом, хотя сильно рисковал. Но мне очень не нравится, что вокруг тебя крутится столько непонятого, излишне драматичного, на мой взгляд. Мешает объективно взглянуть на перспективу. Но терять способного парня с задатками мощного боевого волхва я посчитал кощунством. Да, пошел на хитрость, но скорее от отчаянного положения. Я же знал, что затевают Китсеры. Перехватив инициативу, отодвинул их в сторону, выключил из борьбы. Наш клан таких не приемлет. Тамара – мой бриллиант, Никита, ты же это видишь прекрасно. И я боюсь продешевить, отдавая ее замуж. Даже иная партия не будет для меня утешением. Вот и не знаю, что для нее лучше: быть женой какого-нибудь европейского принца или графа, или обычного волхва, способного держать в руках буйство Стихий.

Глаза двух мужчин – матерого, бывалого и молодого, еще не искушенного в жизненных хитросплетениях – встретились.

– Совсем недавно на руках носил – и вот уже выросла. Теперь ты перенял у меня этот чудный груз. Тамара стала совершенно другой, изменилась... Глядя на нее, вижу не девочку, но женщину, знающую, что она хочет. Я не хочу, чтобы она знала о моей неприглядной роли в недавних событиях, Никита. Если ты мужик – держи при себе язык. Ради всех нас. Ведь и твоя шкура пострадает серьезным образом...

Великий князь снова в очередной раз плеснул в стакан ко-

ньяка, задумался и отставил бутылку подальше от себя. Тяжело вздохнул.

– Никита! Ты понимаешь, что вы оба по краю ходите? Ваши отношения на виду. Не компрометируйте самих себя каким-нибудь неосторожным действием.

– Мы все понимаем, ваше высочество, – твердо заверил его Никита, – и не допустим сплетен, марающих вашу и мою благонадежность. Надо будет – зарю шелкоперов под землю. Всю желтую прессу разорю через суд.

– Ого, развоевался, – удивился великий князь. – Не боишься?

– Я давно перестал бояться. А может, и не боялся никогда. Я не знаю, что это такое. Если вижу перед собой противника, врага – устраняю его. Любыми методами.

Великий князь крякнул и с тоской посмотрел на оставленную бутылку. Подумал, притянул к себе и плеснул в стакан чуть-чуть, на доньшке. Видимо, сильно его пробрали слова молодого волхва. Не мог остановиться.

– Плюешь на закон?

– Никак нет. Я уважаю закон, но с теми, кто его не чтит, – поступаю сообразно ситуации.

– И сколько за тобой трупов? – шутливо спросил Меньшиков и припал к стакану.

– Не меньше двух, – ответил честно Никита.

Мужчина поперхнулся и едва не выплеснул на себя жгучее пойло.

– Шутишь, что ли? – сморщился он.

– Без шуток, Константин Михайлович. Там вопрос стоял о жизни и смерти.

– Там – это в Албазине?

– Да.

– Не боишься, что сдам тебя полиции?

– Это были бандиты и уголовники. А вы подумайте о Тамаре. – Никита решил высказать все, пока идет откровенный разговор. – Не обманите ее еще раз. Ваша дочь невероятно чувствительна к предательству и обману. Малейшая недомолвка вызывает у нее поступки, результат которых трудно прогнозировать. Поверьте, я уже не раз испытывал на себе, что такое гнев берегини.

– Сильно бьешь, – великий князь оттянул ворот рубашки. – Уважаю. Разные весовые категории, а не могу тебя поймать на прием.

– Я начал драться по-настоящему с пяти лет, – улыбнулся Никита. – Тамару я буду защищать всеми средствами, которые у меня есть. Не только магией, но и кулаками.

Князь, наконец, осушил стакан. Он не боялся опьянеть. Со своим даром можно хоть бутылку вылакать, ничего не станется. А разговор завязывался интересный, на грани фола, на острие ножа. Мальчишка кусался за все свои бывшие страхи, чувствуя за собой незримо присутствующую здесь свою берегиню.

– Когда я встречался с твоим дедом – специально к нему

ездил, – мы откровенно и хорошо поговорили, – произнес Константин Михайлович, тщательно подбирая слова. – Патриарх упорно отрицает причастность вашего рода к древним тайнам ариев-русов. Не пыхти, Никита. Знаю, что скажешь: это миф, ничего в помине не осталось. Пусть так. Я не требую от тебя никаких тайн. Не нужны они мне. Дело в другом. Анатолий Архипович просил опекать тебя после своей смерти, и я дал ему это слово. В твою жизнь лезть не собираюсь, но ты всегда можешь найти у меня помощь, даже если с Тamarой не получится... Да сиди ты, взметнулся!

Я же гипотетически. Мальчишка... А еще узнал, что у ариев-князей существовал обычай многоженства. Кстати, ты знал, что на Руси до конца восемнадцатого века этот обычай сохранялся? Сейчас скажу: Чекалевы, Сумароковы, Королевы. Мужчины этих родов имели по две-три жены. Исхожу из данного посыла, что именно они являются ариями. Ты понял, где искать союзников?

Никита молчал. Великий князь давал ему прямую наводку на людей, которые оставались приверженцами арийских традиций. Дед намекал, что в архивах есть фамилии, которые помогут ему в трудных ситуациях, к которым можно обратиться и получить поддержку. Значит, Меньшиков своим умом докопался до потомков древнего ордена.

– А при чем здесь многоженство? – осторожно спросил Никита. Не понравилась ему такая речь.

– Я к тому, что по такому признаку ты можешь найти лю-

дей, которые помогут тебе, – как нерадивому, пояснил Меньшиков. – Можешь посмотреть по Лицевому списку дворянских родов. Ладно, Никита, ты молодец, не стал юлить. Тamarу не обижай. Иначе не посмотрю на ее чувствительность к некоторым вещам и вышвырну тебя из жизни дочери. Моя доброта не распространяется так далеко, как думают некоторые.

– Я понял. Вы думаете, что сейчас кто-то придерживается старых традиций? Да и законно ли это? – пристал к нему Никита.

– А кто устанавливал запреты? – засмеялся Меньшиков. – Я специально штудировал все старые уставы, законы и уложения, но нигде не нашел их. Женись хоть на десятерых, если сумеешь их обеспечить. Просто мы в какой-то момент стали однолюбам. Попробуй привести в дом молодую жену, где уже есть хотя бы одна! Представляешь, что будет? Примерь ситуацию на себя.

– Море крови, – усмехнулся Никита, представляя себе, как бы жил вместе с Тамарой и, например, с Катей. Пикантная картина вырисовывалась. А еще Оленька, к которой он был равнодушен, даже до сих пор вспоминал о ней с теплым чувством.

– Что, картину ужаса рисуешь? – усмехнулся князь. – А по мне – вполне разумная традиция. Таким образом ты передаешь свои гены многочисленным потомкам, а если еще и носителем Полной Силы являешься – представляешь, насколько

ко сохранишь уникальную комбинацию для своего рода?

Константин Михайлович кашлянул и запил коньяком. Никита покачал головой. Мутит князь, ох мутит. Но сказать боится.

– И еще хотел спросить, – решительно отодвинул стакан Меншиков. – Твоя учеба в ВВА – окончательный выбор военного пути? Уверен, что хочешь мотаться по гарнизонам? Я могу устроить, конечно, тебя поближе к дому. Трудов не составит.

– В последнее время я об этом часто думаю, – едва улыбнулся Никита. – Если бы не наша семейная деятельность – не колебался бы ни минуты.

– Значит, возникли сомнения? Хочешь получить гражданское образование?

– В моем роду армия закончилась на прадеде, – осторожно заметил Никита, – и потом никто не стремился туда попасть и сделать карьеру. Все прекрасно нашли себя в обычной жизни. Не случись те трагические события... Я в раздумьях, Константин Михайлович, честно. Появились некоторые обстоятельства...

– Мешать тебе в твоих решениях не собираюсь, – твердо заявил Меншиков, – и приму любое. Но протекцию, если вздумаешь снять курсантские погоны, составлять не буду. Сам выкручивайся. Захочешь перейти в Академию иерархов – не тяни. С первого курса еще легко уйти. Затянешь – будет тяжело. Совесть не позволит перед ребятами сачковать.

– Может, Тамара уже собралась? – Никита решил превратить неуместный сейчас разговор на большую тему. – Нам пора. День уже заканчивается, а мы хотели заглянуть в один магазинчик. Тамара что-то хотела там посмотреть.

Врал, и не краснел. Потому что хотел провести как можно больше времени с Тамарой, а папочка вцепился в него и не отпускает. Нет, кажется, сообразил, кивает. Лицо приобретает нормальный оттенок. Видимо, запустил процесс очистки организма от излишков алкоголя. Боится показаться на глаза домочадцев в неприглядном виде.

Перед дверью Меньшиков слегка придержал Никиту за плечо и тихо сказал:

– Сейчас ты мелкая кость в грызне бульдогов. Нет у тебя веса, потому и предупреждаю тебя об осторожности. Впредь держись подальше от Абрамовых, Романовых, Карповичей и Орловых с Балахниным. Их роды слишком тесно связаны друг с другом, но так как тебя они упустили, то пристальное внимание обратят на «Изумруд» и «Гранит». Эти предприятия частные, пусть и под нашим негласным контролем, но все же откусить вкусный пирог едва ли они откажутся. Не поддавайся на их уговоры. Те еще волчары.

– Помимо Службы безопасности мы привлекли «потайников» для защиты интересов корпораций, – кивнул Никита. – Спасибо за предупреждение, Константин Михайлович.

– Если понадобится помощь на государственном уровне – мы окажем ее, – великий князь был серьезен как никогда. –

Иди уж, действительно. А то Надежда Игнатьевна включит лесопильню, когда вы уедете, что я задерживаю тебя. И еще, Никита. Вы люди взрослые, сами за свои поступки отвечаете.

Тамара крутилась возле зеркала в широкой парадной и наводила последние штрихи к своей красоте. Она уже была в теплом весеннем плаще и в беретке и накладывала помаду на губы. Катерина стояла рядом, прислонившись плечом к стене. И молчала, погрузившись в свои мысли. Ее красивое лицо со слегка широкими скулами оживилось при виде волхва.

– Что-то вы долго, Никита? Не утомил папа своими расспросами? – спросила она с любопытством.

– Скорее, у нас была доверительная беседа, – засмеялся Никита, принимая из рук горничной свое темно-серое пальто. Тамара при этих словах удивленно вскинула брови. Точно будет всю дорогу допытываться, о чем же шел разговор. – Приятно побеседовали.

– А когда еще к нам приедешь? – допытывалась Катерина, не обращая внимания на грозно сдвинутые брови старшей сестры. – Ну, просто я подумала, что ты бы мог научить меня создавать модули иллюзий. Я бы подружек развлекала.

– Развлекала бы она, – проворчала Тамара, вцепившись в локоть Никиты и потянув его к выходу. – У тебя другой дар. Нечего его забивать непрофильными направлениями.

– Научу, – пообещал Никита. – Обязательно в следующий раз, если не попаду в наряд, приеду и займусь с тобой.

– Отлично! – расцвела Катерина.

Никита попрощался с родителями девушек и вывел Тамару, цокающую каблуками сапог по паркету, на крыльцо. Венька каким-то образом пронюхал, что молодые дворяне собрались уезжать, и подогнал «бриллиант» к подъезду. Морда у него была довольная.

– Опять лишние круги навернул? – придал голосу строгости Никита, обходя машину кругом, чтобы посадить Тамару. – Ты смотри, Вениамин, потеряешь мое доверие!

– Тачка больно плавно катит! Даже ход не чувствуется, как будто на месте стоит! – похвастался Венька. – Увлекся, простите, господин Назаров.

– Врет, как сивый мерин, – подала голос Тамара, когда волхв сел за руль. – Но автомеханик отличный, только больше водить машины любит.

– Надежный человек? – поинтересовался парень.

– Не испытывала на прочность, не знаю, – честно ответила девушка. – А тебе зачем? Команду подбираешь?

Никита как-то обмолвился, что хочет в своем клане собрать самых преданных и надежных людей, которые будут служить ему не за страх, а за совесть. Тамара заметила, что такое в корне невыполнимо, и привела десятки примеров, когда хорошие начинания оборачивались склоками, предательством и двурушничеством. Не лучше ли будет окружить себя контрактниками вроде «потайников», которые выполнят свои обязанности лучше всяких родственников. И не терзаться сердцем, что кто-то оказался слабоволен и продал

секреты рода на сторону. Впрочем, такой казус мог произойти и с наемниками. Мысль была верной и правильной, и о ней стоило подумать. Тем более, если собирался идти своей дорогой, которую наметил для себя. Самостоятельная жизнь, закрепленная солидным финансовым благополучием, будоражила сознание и влекла во многие ловушки, которые уже были расставлены на длинном пути. В голове сразу завертелся надоедливый вопрос: кто слил информацию по счетам? Особо волхв не переживал. Основной капитал надежно укрыт от любопытных глаз. Надо подключить деда, чтобы он прощупал ситуацию в том филиале банка, где открывал счет Никите. Возможно, там сидит «крот» и работает на Балахнина. Без его направляющей руки не обошлось.

Он машинально выехал за ворота, просигналил на прощанье и повел машину по давно отлаженному маршруту, держа руку на мягком пластике набалдашника коробки передачи. И почувствовал легкое касание ладони.

– Я скучаю по тебе, – сказала Тамара, глядя на профиль Никиты. Ему пришлось кинуть быстрый взгляд на девушку. Улыбнулся. – Очень.

– Я тоже. Иногда хочется бросить учебу в Академии и вплотную заняться вкусными плюшками в «Изумруде», – кинул он пробный камень, чтобы посмотреть на реакцию девушки. – И мы бы тогда все время были вместе.

– Даже не вздумай поддаваться таким мыслям, – возразила княжна. – Понятно, что ты материально очень обеспечен,

но выбрал военную стезю не по принуждению. Потом будешь жалеть и отравлять себе жизнь. Образование в любом случае надо получать.

– Ты так тонко чувствуешь мой путь? – засмеялся Никита, обгоняя едва плетущуюся вереницу машин. Где-то был затор, но не хотелось сбавлять скорость. Благо что полоса широкая. Можно перестраиваться, если есть возможность. Взглянул в зеркало. За ними, пристраиваясь в хвост, пошли еще три машины, и одна из них явно принадлежала гвардейской охране среднего Меньшикова. Только это была не «Ладога-кросс», а немецкий «Бенц» черного цвета. Он уверенно держался за «бриллиантом», позиционируя себя, но и не отсвечивая особо. Встал за простенькой «Ладогой» и пылит себе, благо весь автомобильный поток снова застопорился. Впереди горел красный глаз светофора.

– Я не знаю, что происходит, – заполняя паузу, медленно произнесла Тамара, глядя вперед. Ладонь с руки Никиты она благоразумно убрала. – Я после каждого обследования начинаю растворяться в твоём поле, живу твоими чувствами, мыслями, желаниями и проектами, некоторые из которых совсем сумасшедшие.

Никита хмыкнул.

– А потом все куда-то исчезает. И снова возникает в измененной форме, пройдя трансформацию. Не могу объяснить. Тяжело...

– Интересно про сумасшедшие идеи. Что-нибудь можешь

сказать про них?

– Они как-то связаны с проклятой «радугой». А еще есть мысли о Хазарине. Не знаю, зачем ты о нем думаешь. Убила бы. Мелькают образы людей, с которыми я бы не хотела сталкиваться, а ты с ними ведешь себя как... как дрессировщик со львами. Входишь в клетку и укрощаешь их с легкостью, – Тамара говорила растерянно, и Никита не перебивал ее. По спине полз сладкий холодок страха. Его любимая берегиня каким-то неведомым образом взломала наглухо закупоренные ячейки памяти, выудила из них информацию. Похожий способ используют волхвы для ментального чтения чужой памяти. А здесь все происходит на щадящем уровне. Он ведь не почувствовал агрессивного вмешательства.

Наконец, Никите удалось разогнать «бриллиант» в дорожном просвете. «Бенц» не отставал. Ясно. Охрана Марченко будет вести их до самого дома. Пожав плечами, волхв слегка надавил на педаль газа, увеличивая разрыв. Он не собирался сбрасывать «хвост», просто появилась возможность быстрее достичь развилки и уехать по свободной дороге к дачам. «Бенц» мигнул фарами и немного отстал.

– Что замолчал? – кулачок ткнулся ему в плечо. – Я права?

– Ну, – замялся Никита, сворачивая с городской автострады на второстепенную дорогу, ведущую на Шуваловские дачи, – я бы не был так категоричен. Обычные мысли из прошлого. Ты не обращай на них внимания, если уж сканируешь все подряд. Так-то я о тебе больше думаю, – польстил он.

– Я знаю, – весело ответила княжна. – Такие мысли, что приходится жутко краснеть. Неужели на самом деле мечтаешь об этом? Даже не знала, что ты такой затейник. Бойся своих желаний – они могут исполниться.

– Милая, не заводи меня, дай доехать до дома спокойно, – волхв поежился от страстных эмоций девушки. – Дорога смотри какая тяжелая. Накатали, ироды, тяжелыми грузовиками.

Он с осторожностью доехал до своего дома и, глуша движок, выскочил на улицу, чтобы раскрыть ворота. Потом загнал «бриллиант» во двор. Постояв с Тамарой на дорожке, ведущей к дому, Никита с хитрецей спросил:

– Ты видела последние снимки в желтых газетенках?

– Нет, я не читаю такую пакость, – фыркнула девушка, вертя головой по сторонам. Ей стало любопытно. – А почему мы не идем домой?

– Видишь особняк напротив? Там живут милейшие люди, которые меня все время в гости зовут. Но так случилось, что месяц назад они уехали в Петербург, а свою дачу решили сдать на полгода, – Никита потоптался на месте, зашел за спину девушке и обнял ее за талию. Тамара откинула голову назад и с интересом ждала продолжения.

– Недавно я рассматривал «Осу», «Столичные мифы», «Ведомости Петербурга» – так, ради любопытства, и обнаружил одну интересную фотографию.

Никита прислонился губами к ушку княжны.

– Мы стоим возле крыльца на дорожке, вот как сейчас, и обнимаемся. Кто-то сделал снимок из того самого дома. Мансарда второго этажа. Больше неоткуда. Ракурс именно такой. Вот, даже сейчас я вижу блеск оптики в окне. Смотрят в бинокль с просветленными линзами.

– Сняли дом, конечно, сотрудники какой-то одной из газет, перечисленных тобой? – усмехнулась Тамара, усиленно вглядываясь в темное полукруглое окно мансарды, где и вправду чувствовалось какое-то движение. – Или же какие-то злодеи снайпера посадили...

– Не-не, – отрицательно покачал головой Никита. – Я уже проверил. Закинул им подслушивающий модуль. Болтают о редакторе, сплетничают о женщинах, прикидывают, какой гонорар отхватят, если заснимут нас в пикантной ситуации. Нет там снайперов. Единственное окно, которое им доступно, постоянно закрыто плотной шторой. Позиция неудачная. Им надо было снять дом, стоящий сбоку.

– А ты страшный человек, Назаров, – Тамара извернулась и взглянула на волхва. – От тебя не скроешь даже маленькие женские тайны. Захочешь – все узнаешь. Как я жить с тобой буду?

– Хорошо будешь, – пообещал Никита. – Пошли домой, а то уже замерзла, из носа сосульки торчат.

– Ах ты! Сосульки он увидел! – шутливо стукнув Никиту кулаком в грудь, Тамара поспешила к дому. – Покажу тебе сосульки! Так что думаешь делать с этими фотографиями?

Закинул бы им парочку уничтожающих скриптов.

– Уже пару раз провел диверсию, – хохотнул Никита, заходя следом. – Один из журналистов использовал цифровой фотоаппарат, а другой – качественную «зеркалку». Пришлось засвечивать пленку и уничтожить матрицу на цифровой фохе. Еще не догадались, что происходит. Завтра повторю фокус.

Закрывая дверь, Никита заметил, как «бенц» тихо подкатил к воротам, постоял пару секунд, потом проехал дальше, развернулся и остановился возле забора. Погасил фары и замер в ночи. Обратнo Тамару повезут гвардейцы. Парню страстно хотелось оставить девушку возле себя, но неприятный разговор с ее отцом начисто отбивал желание своевольничать.

Он помог княжне снять плащ, с удовольствием оглядев стройную фигуру, соблазнительно облитую бархатисто-бордовым платьем. Не удержавшись, он прижал Тамару к себе, ощущая все изгибы девичьего тела. Мысли заиграли совсем другими красками, предлагая варианты на выбор, а губы сами искали поцелуя. Оторвавшись друг от друга, они стали судорожно вбирать в себя воздух, после чего весело рассмеялись. «Близок локоток – а укусить не получается, – мрачно подумал Никита, плетясь следом за девушкой. – Гад же ты, папаша! Но играть с тобой чревато, согласен».

Пройдя в гостиную, Тамара непререкаемым тоном сказала, чтобы волхв сел на стул и полностью расслабился. Де-

вушке было интересно посмотреть, какие повреждения получил «щит берегини». Никита плюхнулся на табурет, который притащил из кухни, а княжна встала за его спиной, положив обе руки на макушку Никиты.

– Ты очень уж напряжен, – тихо сказала она. – Расслабься. Закрой глаза и медитируй. Помогай мне.

Никита с удовольствием исполнил указание княжны и неожиданно для себя мгновенно вырубился. Это был не сон, а что-то другое. Подозрение сразу же пало на хитрость Тамары. Она ударила сонным плетением, но не рассчитала, что ее же щит и уберезет волхва от последствий. Никита про себя улыбнулся, тихо засопел и бессильно опустил голову, делая вид, что окончательно вырубился. Густые волосы девушки приятно щекотали щеки. Видно, она наклонилась над ним. Ласковые ладони соскользнули с макушки и застыли на плечах. Осторожно вдыхая запах духов, он в то же время следил за раскручивающейся в аурном поле спирали золотисто-зеленого цвета с нежными сиреневыми всполохами, латающими дыры на первом уровне защиты. «Кольчуга», сплетенная Тамарой, имела идеальный рисунок защиты, но упрямая берегиня умудрилась что-то еще наворотить в сочленениях узоров и колец, скрепляющих броню. «Очень хорошо – тоже не хорошо, – сонно подумал Никита. – Как бы Тамара не переусердствовала с защитой». Его полевая структура радостно заискрилась при соприкосновении с энергетическими потоками девушки, исходящими от ее ладоней, и закру-

жила в звездном хороводе, рассыпаясь на яркие вспышки по всему контуру тела. Сразу потеплело, и от солнечного сплетения по всем энергетическим точкам расплылись мягкие оранжевые пятна.

Мягкое надавливание теплых пальцев на виски оживило Никиту. Он понял, что сканирование организма закончилось. Поднял голову.

– Все в порядке? – весело спросил он, разворачиваясь к девушке.

– Ты хитрюшка, – уверенно проговорила Тамара чуть усталым голосом. Она уже сидела на диване, вытянув ноги. – Не спал, а подзаряжал меня своей энергией. Иди ко мне...

Никиту не нужно было долго уговаривать. Как только он оказался рядом с девушкой, она тут же приникла к нему, а потом привстала и неожиданно села на колени волхва. Руки замком сцепились за шеей. Обворожительный бюст, прячущийся под платьем, оказался перед его глазами, дразня и притягивая своей недостижимостью. Незримый кулак великого князя грозил из угла.

– О чем ты разговаривал с папой? – напряженно спросила Тамара, не обращая внимания на руку Никиты, прочно утвердившуюся на ее бедре.

– Он интересовался о наших... мм... отношениях, – с ленцой ответил волхв. – У нас был очень серьезный разговор. Мужской. Но без мордобития.

– Да ты что? – усмехнулась девушка, усиливая нажим на

его шею. И вдруг игриво укусила Никиту за мочку уха. – Надеюсь, он удовлетворил свое любопытство? Или запретил нам встречаться наедине?

– Почему же? – делая вид, что не заметил многозначительного укуса, улыбнулся парень. – Он же не привязал тебя к стулу, когда мы собрались уезжать. Просто попросил быть аккуратным, не давать лишних интервью до свадьбы. Я его понимаю. Как-никак, ты из императорского клана, а встречаешься с простым помещным дворянином. Согласись, присутствует некий раздражающий фактор для родовитых аристо. Твой отец – хороший мужик, хоть и прячет в кармане свой кирпич. Пару раз по столу постучал. И еще интересовался, примем ли мы вассалитет императорского клана.

– Вот как? Поместный дворянин? Так и сказал? – удивилась Тамара и помрачнела. – А что ты ответил?

– Я просил не торопить меня с ответом.

– И он отстал от тебя? Не стал совать гербовую бумагу с соглашением на подпись?

– Дал отсрочку на время.

– Даже нашей свадьбой не шантажировал?

– Ты подслушала? – нахмурился Никита.

– Я слишком хорошо своего папочку знаю. Он же напролом идет к цели. Странно... Очень странно. Вот более чем уверена, что при его харизме и упертости ты уже сегодня вошел бы в наш клан. Думаешь, ты его запугал?

Никита хотел скромно промолчать, каким образом отло-

жил решение неприятного для него вопроса на неопределенный срок, но потом ответил:

– Проверял он меня. Любой род, получив приглашение в клановую структуру, сначала обговаривает его на своем Совете. Окончательное слово остается за патриархом. Как думаешь, великий князь не знал этого? Только дед меня сразу просветил по этому поводу.

– А больше он ничего не говорил? – прошептала Тамара.

– Нет, – твердо сказал Никита. – Ой, сказал, что убьет меня, если обману и брошу его красавицу-дочку. Раздавит как букашку между ладонями.

– Это он может, – задумчиво сказала княжна. – Ладно, хватит руками меня лапать и глазами раздевать. Давай-ка посмотрим твой планшет. Очень уж он интерес вызывает. И почему на нем нет меня?

– Я должен взять твою кровь, – зловеще прошептал Никита. – Только с ее помощью я смогу отслеживать твои перемещения.

Тамара с готовностью подставила палец.

– Где у тебя хранятся иголки-булавки? – деловито спросила она.

– На кухне. Нижний ящик крайнего правого навесного шкафа, – проходя следом за девушкой в кухню, подсказал Никита. Оглянувшись по сторонам, он выдвинул небольшой ящичек стола, где хранилось всякое разное ненужное добро вроде пустых флакончиков из-под спиртовой настойки, от-

резков бечевки, старых ножниц. Как раз один флакон здесь и лежал. Волхв промыл его, перевернул, чтобы остатки воды стекли вниз, и сел за стол, где Тамара уже деловито дезинфицировала булавку.

– Ты бы еще шило приспособила, – оценив размеры булавки, хмыкнул Никита.

– Зачем тебе флакон?

– Накапаешь туда свою кровушку, а я потом закреплю твою метку на карте.

Тамара выставила палец, посмотрела с готовностью на Никиту, похлопала ресницами.

– Коли, чего застыл? Только резко, чтобы я не успела испугаться.

– Вот уж не думал, что ты такая трусиха, – пробормотал парень, поудобнее обхватывая булавку пальцами одной руки, а другой – обхватив подушечку безымянного пальца княжны. – Всегда считал тебя боевой девочкой, готовой укокошить даже своего будущего мужа клинками и огненными молниями...

– Назаров, хватит языком чесать! Коли уже... ай!

Подставив под палец флакон, он терпеливо, каплю за каплей сгонял в него кровь, пока не убедился, что этого материала ему хватит на несколько экспериментов. Тщательно притер крышку и поцеловал место укола.

– Хочу посмотреть, как ты будешь мою метку на планшет ставить, – расслабленно сказала девушка.

– Долгая история, – покачал головой Никита. – На привязку уходит до нескольких часов.

– Жаль. Скоро домой ехать.

– Так останься, а?

Ладонь девушки проехала по его щеке. Улыбнувшись, Тамара покачала головой:

– Хочу, но не могу. Нельзя, понимаешь? На мне куча обязательств и условностей. Поддадимся минутной слабости – пожалеем. Не забывай, что мама и Катя – сенсорики. Сразу все узнают. Если Катька прикроет меня, то маму не проведешь. Не хочешь терять главного союзника в клане Меньшиковых – не разочаровывай княгиню. И угрозу папеньки тоже помни. Ну? Что приуныл? Выше нос, чародей!

– Ладно, потерплю, – ворчливо проговорил Никита. – Действительно, полгода – не срок. Пустяк на ровном месте.

Глава третья

Генерал подошел к окну и коротким рывком распахнул створки. В кабинет ворвались оживленные звуки весеннего города, чириканье воробьев на ветках деревьев, важное гульканье голубей на соседних подоконниках и на карнизах крыш. Радостный вдохнул в себя упоение расцветающей жизни и, развернувшись, вернулся к обыденности.

Оперативная группа во главе с Барковским и майором Тасевым – всего десять человек – сидела за длинным столом и напряженно ждала очередного разноса.

Министр не стал орать или бить кулаком по столу. Он понимал безнадёжность этих манипуляций, показывающих бессилие в запутанном деле. Его любимая папка с золотыми ободками оказалась распахнута резким движением. Нацепив очки, Радостный пару минут в полной тишине изучал бумаги, потом откинулся на спинку кресла.

– Господин подполковник, как идут мероприятия по розыску опасного государственного преступника Якута, то бишь Ошуркова Станислава Ивановича? Прошло четыре месяца с тех пор, как он умудрился выскользнуть из вашего «капкана»...

Последнее слово Радостный произнес с таким видом, как будто разжевал лимон. Таким образом он показывал свое отношение к идее Барковского посредством плотного наблюде-

ния вынудить бандитов пойти на прорыв из дома Лобанова. Прокурор не хотел давать ордер на обыск, мотивируя свой отказ тем, что за хозяином усадьбы не числятся никаких преступлений. Сидит себе человек в четырех стенах, занимается облагораживанием вишневого сада – так зачем волновать гражданина? Свое он однажды отсидел, осознал степень падения, исправился. Ну, с кем не бывает – навели на него облыжно, да уже разобрались.

– Разрешите, ваше превосходительство? – подал голос Тасеев. Майор увидел благосклонный кивок и встал, одергивая китель. – Картина произошедшего была восстановлена во всех деталях нашими специалистами-волхвами, дотошно разобравшими каждый момент применения магии.

– Интересно, – Радостный сцепил пальцы рук на животе. – Докладывайте.

– Вечером ...декабря девятого года, приблизительно в восемнадцать часов, группа бандитов, среди которых находился Ошурков, под прикрытием иллюзионного полога покинула усадьбу Лобанова. Побег совершен прямо под прямым наблюдением наших постов. Но никто ничего не заметил, и все трое агентов утверждали, что ворота не открывались, через забор никто не перелезал. Волхвы установили факт применения качественной иллюзии: визуальной и звуковой. В трех километрах от дачного поселка оперативная группа нашла брошенную машину, в которой обнаружены остаточные следы аур трех человек, в том числе и Якута. Три аурных следа

совпадают с теми, которые мы зафиксировали на месте нападения на конвой. Именно эта тройца и сбежала под магическим пологом. Там же, возле брошенной «Ладоги», обнаружили следы еще одной машины. На снегу было четко видно, что вторая машина развернулась и поехала в сторону Петербурга. Мы по энергетическому полю транспорта проследили весь путь и нашли его в гараже одной арендной компании. Установили имя человека, бравшего машину в прокат на два дня, именно в тот период, когда мы упустили Якута.

– Кто он? – проявил нетерпение генерал.

– Копытник Яков Зиновьевич, – глянул в свои записи майор.

Радостный поморщился.

– Что это такое? Какое-то сложное нагромождение, нарочно не придумашь...

– Именно так. Установлено, что фамилия и имя взяты не с потолка, а из городского справочника. Проблема в том, что мелкие арендаторские компании не требуют документов, только деньги в залог берут. Просто записывают фамилию в тетрадь и ограничиваются этим. Копытников мы нашли аж трех, но всего один был Яковом Зиновьевичем. Естественно, сверили с записями камеры, но ничего близкого к оригиналу.

– У них есть камеры? – оживился Радостный.

– Да, мы нашли запись того дня, когда Копытник оформлял аренду машины. Это не тот человек, – Тасеев снова

взглянул в бумаги. – Полагаем, что сообщник – опытный волхв не ниже седьмого ранга. Натянул чужую личину, провернул операцию по освобождению поделщиков и скрылся вместе с ними в неизвестном направлении.

Радостный внимательно посмотрел на фотографии с видеокамеры, едва заметно пожал плечами. Почему-то он ожидал, что увидит лицо Назарова, и с досады отбросил снимки в сторону.

– Вы отдаете себе отчет, господин майор, что сейчас сказали? – министр навалился грудью на край стола. – Какой ранговый волхв в среде преступников? Это же нонсенс! Скандал! Или наши иерархи каким-то образом пропустили появление одаренного среди простолюдинов? Так, по-вашему?

– Не могу знать, ваше превосходительство, – вытянулся майор. – Я только огласил факты. Бандитам помогал волхв. Очень сильный волхв. Помимо основной иллюзии, он сотворил еще одну, которая отвлекла нашего волхва, дежурившего на другой стороне улицы. Ему подсунули картинку побега трех человек, которые перелезли через забор и направились к лесному массиву.

– Так точно, ваше превосходительство, – поддержал его Барковский. – От агента поступил сигнал, что преступники убегают. Мы развернули поисковые группы, которые перекрыли все возможные пути выхода Якута в жилые зоны. Никого там не оказалось. Волхвы сами определили, что гонялись за иллюзией.

– А вот это что за люди на фотографиях? – поднял другу пачку снимков министр и потряс в воздухе. – Что они делают на улице и чем занимаются? Судя по униформе – дорожные строители?

– Не совсем так, – тут же ответил Барковский. – Там велась геодезическая съемка местности. Хотят дорогу выпрямлять, как нам пояснили местные жители. Мы связались с Департаментом дорожного строительства, но ответ пришел отрицательный. Никто не посылал людей в Красное Село.

– Полагаете, велось наблюдение за особняком подозреваемого? – вкрадчиво спросил Радостный. – Выяснили, что это за люди?

– Ваше превосходительство! – это опять Тасеев. – Таких работников в Департаменте нет и не было никогда. Даже по фотографиям в базе данных полиции не обнаружили искомым. Специалисты уверенно утверждают, что опять же задействована иллюзия изменения внешности. Вся проблема в ее качестве. У нас в тот день в засаде сидел волхв четвертого ранга, совсем недавно устроившийся на службу. Неопытный парень. Вот и вышла промашка. Не догадался применить плетение, определяющее, накладывалась ли иллюзия на человека или нет.

– Скандал! – еще раз повторил Радостный, хватаясь за свой платок. Лоб снова покрылся испариной, даже приток свежего воздуха в кабинет не помогал. – Уголовникам помогает одаренный! Послушайте, подполковник, вам же докла-

дывали по той странной истории на Амуре? Помните, в Благовещенске захватили курьера «радуги»? Как его фамилия?

– Кличка Барон. Харитонов Алексей, – кивнул Барковский. – Да, я знаком с этой историей, связанной с княжной Меньшиковой и Назаровым Никитой. Молодые люди помогли захватить группу контрабандистов. Основное следствие вела местная Коллегия.

– Назаров и Меньшикова, – пожевал губами генерал. – Ох уж эта парочка. О них в последнее время судачит половина Петербурга. Странные совпадения, жизненные коллизии, переплетения судеб... Допутешествовались. Дело к свадьбе идет, кажется, кхм... Ладно, так что Харитонов?

– Он взят на контроль губернским отделением Коллегии, отрабатывает свою вину, вроде срока, – усмехнулся Барковский.

– Я не о том. Возможны ли ситуации, схожие с Харитоновым? Может простолюдин иметь дар?

– Один шанс на миллион, – твердо ответил Тасеев. – Только нужно столько мелких факторов, чтобы в мещанской среде появился свой одаренный. Очень сложно, но можно. Я имею в виду внебрачных детей аристо... Нет, это исключено. Таких детей рано или поздно вычисляют, пока бед не наделали. Кто-то из дворян помогает Якуту.

– Что-то мне сердце подсказывает, что разгадку надо искать в Албазине. Оттуда все нити тянутся, – Радостный нашупал правильную версию, только никак не мог собрать раз-

розненные факты в целостную картину. Решительно нажал на кнопку селектора. – Подготовьте мне к трем часам все материалы о похищении княжны Меньшиковой в Албазине!

Генерал вздохнул и окинул взглядом понурившуюся головами группу. Н-да, кажется, их переиграли и дело придется откладывать в долгий ящик. Нет, не так, придется рыть землю носом, чтобы выяснить, кто такой шустрый обвел вокруг пальца квалифицированных волхвов. Это уже профессиональный интерес.

– Аура сообщника прочитывается? – спросил он.

– Она оказалась недолговечной, – пояснил Тасеев. – Волхв применил какую-то неведомую схему разрушения своего энергетического следа. Придется еще поработать, чтобы вычленить компоненты на самом тонком слое ауры. Все равно должно что-то остаться.

– А что Якут и та парочка помощников? Они-то где?

– Спрятались так, что мы не можем найти след.

– Вы понимаете, господа, что мы облажались? – применил молодежный сленг Радостный и с темнеющими зрачками глазами оглядел оперативников. – Император уже снимает с меня шкуру тонкими полосками, а я вас прикрываю до сих пор. Ищите, ищите, как никогда!

Тасеев благоразумно промолчал, что найти эту троицу помогут только боги или дикий счастливый случай. Майор подзревал, что неизвестный волхв мог ввести инъекцию чужой крови, чтобы изменить энергетический рисунок бегле-

цов, или подсадить плетения, разрушающие истинную картину слепков. Теперь ауры преступников навряд ли всплывут во время активных поисков. Генетический узор полевой структуры настолько изломан, что потребуются пара лет, чтобы восстановить точный слепок. За это время император, если дело о провале дойдет до него раньше, чем опергруппа найдет беглецов, всех разжалует и раскидает по медвежьим углам необъятной страны. Очень грамотный спец попался, – признался себе майор, покидая кабинет министра. Невозможно найти след на песке, который постоянно выдувается ветрами. Это провал, самый настоящий провал.

Радостный дождался, когда в приемной затихнут шаги и голоса оперативников, заказал себе чай с лимоном. Адъютант буквально через пару минут вошел с серебряным подносом, на котором стояли стакан с чаем и вазочка с маленькими подсоленными сушками, которые генерал очень уважал. Оставив поднос, помощник удалился.

Министр бездумно перекладывал листки в папке. Навязчивая идея об албазинских корнях нынешнего происхождения не давала ему покоя. Особенно все, что связано с Назаровым. Что о нем известно? Волхв высокого ранга по официальному рейтингу, учащийся ВВА Генштаба, прекрасные отзывы иерархов, стремительное сближение с кланом Меньшиковых, упавшее на голову баснословное богатство... Карьерист?

Еще один листок перевернут.

Герой сказочной истории, получивший за свои страдания все причитающиеся ему плюшки в виде красивой и богатой невесты (генерал нисколько не сомневался, что дело закончится свадьбой, и был осторожен в своих высказываниях, которые могли кинуть тень на будущего зятя великого князя Константина), протекции со стороны императорского клана и всех активов рода? Может быть. В жизни случаются и более удивительные вещи. Но вот его связи... Там и Якут фигурирует, и Хазарин, и Китсеры. Пожалуй, придется обращаться к господам Коростелеву и Сухареву. Без иерархов дело совсем тухлое. Пусть помогут в расследовании.

Взяв чистый листок из стола, генерал тонким карандашом написал слово «Якут», а рядом с ним – «Назаров». Подумав немного, черкнул сверху «Хазарин». И от него провел стрелки к первым двум именам. Что-то между ними было. Не в десны целовались, это ясно. Они – враги. Хазарин организовал похищение княжны с помощью уголовников Якута – факт неоспоримый. Назаров освободил заложницу. Сначала на расстоянии без наводящего сигнала ауры сумел заблокировать магические браслеты, а после этого со своими друзьями-потайниками физически вытащил княжну из бандитского схрона. И здесь никаких противоречий. Значит, надо проверять связи каторжанина по его местам отсидки. Это первое. Потом следует вызвать на допрос всю группу Марченко, осуществлявшую мероприятия по охране княжны Меньшиковой, и обратить особое внимание на те момен-

ты, где гвардейцы устроили примитивную слежку за квартирой Якута. Было в протоколах что-то подобное. Радостный не помнил всех подробностей. Это второе. Главное, забрезжила какая-то метафизическая уверенность, что в данной связке хранится ответ. Может, и Назарова слегка прижать? А что, он неприкасаемый, что ли? Подумав немного, министр отказался от сумасшедшей идеи. Император ему сразу оба глаза на задницу натянет. Увы, Александр очень любит свою племянницу, даже больше сыновей. У него же нет дочки, чтобы изливать на нее нежность и любовь. Радостный не хотел испытывать физические неудобства от угроз Александра. Вот появится хоть малейшая зацепка по Назарову – можно рискнуть.

Глава четвертая

– Кажется, наши потуги оказались напрасными, – усмехнулся Романов, когда Балахнин с выжидающим взглядом уставился на боярина, посмеявшегося заявиться в неурочный час. Впрочем, обед был деловым, и кроме него за столом сидели Петр Дмитриевич Абрамов и сам князь Орлов, стареющий матерый мужчина с широкими поседевшими усами. Они пили водку и закусывали стерляжьей ущицей. На столе в корзинке навалены пироги; капуста с брусникой в хрустальной вазе, буженина с хреном и другая вкусная закуска вызывала обильное слюноотделение. Огромная столовая залита светом, солнечные зайчики прыгают по стенам и потолку, играют на стекле изящной посуды.

– Проходи к столу, Николай Кириллович, – пригласил Балахнин и кивнул горничной, которая приняла пальто и шляпу гостя. – Раз уж пришел, негоже отказывать в угощении.

– Истинно так, – пробурчал Орлов. Он всегда так говорил, словно в трубу. Голос такой своеобразный. Кто не знает, сразу робеть начинает. – Гость в дом – стол от души.

Князь Балахнин самолично налил Романову в граненую рюмку водки.

– Пей, закусывай. Потом рассказывай.

Романов, не дожидаясь остальных, выхлебал свою порцию, крякнул и, не чинясь, запустил вилку в квашеную ка-

пусту. Вкусно захрустел.

– Значит, я все сделал так, как вы просили, Алексей Изотович, – наконец, разделавшись с закуской, сказал Романов, понимая, что тянуть с разговором не стоит. – У меня есть пара толковых ребятишек, которые долго пасли Назарова и выяснили, наконец, где он проживает. Шуваловские дачи, знаете?

– Дыра какая-то, – фыркнул Орлов. – Для богатенького наследника можно было постараться и получше место найти.

– Появляется там Назаров в лучшем случае на выходных днях, – не обращая внимания на реплику князя, продолжил Романов, подложив себе кусок буженины. – Ну, как служба идет. Попадает в наряд в своей Академии – тогда не приезжает. Не в этом дело... Ребятки отследили его еще зимой, перед Коловоротом. Потом начались какие-то странности. Как только они приезжали на дачи и останавливали машину в неприметном для Назарова месте, к ним подходили люди и заставляли валить подальше и желательно быстро.

– Это кто такие? – удивился Абрамов, энергично жуя пирог. – Назаров под защитой, что ли?

– Хрень полная, – согласился Орлов. – Не заслуживает он такого внимания.

Балахнин слегка прищурил глаза. Слушал он внимательно.

– А с Меньшиковой он встречался наедине? – спросил князь напряженно. – Кроме романтических свиданий по вы-

ходным в столичных кафе, конечно.

– И это пытались выяснить, – вздохнул Романов. – Начали пасти его на выезде с дач. Твой Мишка, – последовал кивок в сторону Орлова, – скидывал сообщение, что Назаров едет в увольнение. Парни выезжали на точку, но никак не могли его выловить. А потом догадались возле дворца Меншикова встать. И сразу поклевка. Мальчишка в фаворе у Меншиковых. В последние месяцы стали часто уединяться в доме Назарова. Но девушка всегда возвращается домой, пусть и далеко за полночь. Ее сопровождают гвардейцы. Щелкоперам удалось сделать несколько снимков на Шуваловских дачах. Видел в газетах. Но что происходит внутри особняка – остается загадкой для всех.

– В общем, мы сами себя переиграли! – засмеялся Орлов добродушно и разлил всем водки по рюмкам. – Свадебка скоро, да, Алексей Изотович? Меншиков получает рангового волхва, зять – доступ в ближний круг императора. Все шито-крыто. Что делать будем?

Балахнин кисло улыбнулся и опрокинул в себя рюмку, ни с кем не чокаясь.

– Меня удивляет, как он сорвался с крючка Зубовой? – оглядел друзей-аристо Абрамов. – Кто-то хвалился, что Лариска так заморочит голову Назарову своим колдовством, что он сам на коленках приползет к ее дому. А получился пшик!

– Так он и ползал первое время, – буркнул Романов. – А

потом – как отрезало. Аккурат после Ассамблеи.

– Сумел мальчишка выкрутиться, молодец, – довольным голосом сказал Орлов. – Надо его любыми способами оторвать от императорского клана.

– Как вы его оторвете? Мы и так с огнем играем. Девку под удар безопасникам подставили. Ей пришлось самолично снимать этот «магнит». К ней Тамара Меньшикова приезжала и, насколько я понял, сразу же объявила статус Назарова, дескать, он ее жених. Ну, с таким аргументом Лариса не стала спорить. Она же не знала, насколько у них далеко зашло, думала, что перебегает дорогу своей сопернице в самом начале отношений. Без риска. Скажете, могла бы и побороться для вида... – Романов с тревогой посмотрел на задумчивого Балахнина. – Если бы на самом деле втюрилась по уши в мальчишку – там бы драка была... Зачем ей было рисковать? Ее же с отцом вместе на аудиенции у императора заметили. О чем шел разговор, мы не знаем. Так что какой резон Назарову совершать политические кульбиты? Да, может, он и не будет крутиться возле трона! Но под защитой клана его не достать. Тем более – военный волхв. Выпускников Академии всегда распределяют по гарнизонам. Захочет – вообще уедет из столицы. На него ставку делать не стоит.

– Куда он уедет от Тamarки? – фыркнул Орлов. – От такой не убежишь. А в гарнизоны ее тащить – сплошное кощунство. Да и Костя не позволит ей уехать. Не-не, Назаров останется в столице. Особым императорским указом переведут

в столичный гарнизон. Да ну! О чем вообще разговор!

– А действительно, нужно ли вообще действовать через него? – обвел всех внимательно князь Балахнин. – Пусть растет, увеличивает свое влияние. Императором он все равно не станет, а вот влиятельным лицом – пожалуй. Не забывайте, какими концернами он владеет. Кто знает, что «Изумруд» разрабатывает, кроме военной и прикладной техники? Почему такое благоволение Александра к частной корпорации? Какие секреты хранит старик Назаров? Может, стоит действовать в этом направлении? Втереться в доверие к наследнику, понять суть происходящих событий на предприятиях, запустить агента в среду инженеров, ученых или квалифицированных рабочих. Что-то да накопает.

– Как-то сложно все, – повертел шеей Абрамов. – Вон, Леонид Яковлевич уже суетится, собирается пробивать совместные проекты по текстильному экспорту со старым Назаровым. Даже нам ничего не сказал.

– Карпович – государственный муж, а не какой-то там купчишка, – заявил Орлов. – Ему положено радеть о казне.

– Нужны активные контакты с иностранными политиками, – покачал головой Балахнин. – Почву удобряют заранее. Слухи по Думе ползут: на Дальнем Востоке что-то затевается. Войной пахнет. Вот и вопрос: а нужна она сейчас нам? У всех нас есть сыновья, а дворяне обязаны в случае войны встать под ружье. Охота вам терять детей?

– Нет, – мотнул головой Романов. – Не к месту война, не

вовремя! Сейчас в России спокойно, население растет, заводы и фабрики работают, вон, в космос спутники косяками запускать стали. Сподобились до Творца в гости слетать.

Бояре захохотали и решили, что шутка удалась.

– Вот и нужно давить через прессу на эту мозоль, – показал пальцем Балахнин. – А Назаров когда-нибудь и пригодится. Но прощупывать его настроения, расшатывать веру в клан Меньшиковых надо. Ты, Петр Дмитриевич, встреться с Китсером, поговори с ним, выясни, какую роль в истории с Назаровыми играл великий князь Константин. Не верю я, что так легко можно было убедить осторожного «вологодского отшельника» пойти на сближение. Врет князь, свои интересы имеет от брака молодого Назарова и Тамары. Тут уже никаких секретов нет. Все на виду. Появится скоро мощный одаренный в его роду – вообще потом не согнем Меньшиковых. А там и наследники пойдут. Представляете их потенциал? Мне не по себе становится. Так зачем в лобовую атаку идти? Есть другие пути.

– А кто к иностранцам пойдет? – прогудел Орлов, не обращая внимания на последние слова князя. О чем-то другом подумал.

– Так ты и займись контактами на этом уровне, – улыбнулся Балахнин. – Вместе со мной будешь действовать. Вода камень точит.

После обеда князь проводил гостей, но Орлов остался по незримому сигналу своего старого товарища. Они глядели,

как автомобили Романова и Абрамова разъехались в разные стороны, и только потом, не сговариваясь, спустились по лестничному маршу. Мужчинам захотелось прогуляться под теплым солнышком между начавшими пробуждаться вишневыми деревьями и яблонями. Высохшая и чистая дорожка, выложенная из терракотовой плитки, уходила в глубину сада, минуя беседки и чашу фонтана. Князя медленно шагали в ногу, не торопясь нарушать тишину. Но Балахнин не ради тихой прогулки просил остаться Орлова.

– Что-то маху дал твой Мишка, – негромко произнес хозяин особняка. – Не умеет он уламывать противника.

– Мальчишка еще, – прогудел Орлов, – мозгов не хватает. Жизнь быстро вправит. Дык он и не давил сильно. Пошел по своему пути, хитрец. Привлек эту дурочку Зубову. Если бы мы знали заранее, что Назаров у Тамарки в женихах ходит – Мишку бы самолично выдрал. Теперь оглядываться приходится.

– Не самый лучший вариант был, Юра. Согласен, – вздохнул Балахнин. – Если Георгий Владимирович узнает, чья была затея, он нас на шашлык пустит. Зачем лишний шум поднимать? Девка с нарезки слетела, ей лечиться надо, а мы ее в политическую борьбу затягиваем. Неуместно. Нельзя. Чревато большим скандалом. Ладно, что все списали на молодость и ветреность девицы. Всех устроило.

– Да понял я, – Юрий Алексеевич пошевелил плечами под тонким стильным пальто из английского сукна. – Уже выпи-

сал ижицу с подвывертом. Ну, слегка промахнулись, Алексей Изотович, но это не меняет наших планов.

– Не меняет, конечно, – хозяин покивал головой. – Сколько лет твои предки бодались с Меньшиковыми за трон? Да не только твои. Вспомни Шуйских, Голицыных, Романовых. Каждый из них мог править спокойно, но Меньшиковы задавили инакомыслие. И где сейчас те brave бояре? Тихо сидят по губерниям, отчеты пишут для столичных бюрократов. Эх!

– Вот не пойму я, Алексей, – Орлов еще больше замедлил шаг и с хитринкой посмотрел на собеседника. – А тебе какая корысть во всем, что ты делаешь? Нет тебе дороги в императоры, а Дума – единственное место, где ты себя чувствуешь как рыба в воде. Не дадут тебе власти. Не твой калибр.

– Не прошу и не стремлюсь, – сурово заметил Балахнин. – Я всю жизнь ратовал за право сидеть на троне достойному по делам, а не по наследству. Юра, иногда надо встряхивать одеяло, чтобы блохи не чувствовали себя вольготно. Вот была бы у нас выборная система власти – и каждый попробовал бы себя в государственном деле. Те же Шуйские или Романовы... К примеру. Можно и кого-то из клана Орловых, если есть желание и силы. Понимаешь? У Руси должен быть выбор, а не навязанный наследственным законом властитель.

– Опасное дело затеял, – покачал головой Орлов, которому не понравилось, что Балахнин назвал его фамилию, как бы связывая со своими прожеками. Не решил еще Юрий

Алексеевич, куда повернуть свой корабль. – В Шлиссельбург захотел?

– Да Александр о моих мыслях знает больше, чем я вам говорю! – засмеялся Балахнин. – Я и не скрываю, чего хочу. Так честно. Знаешь, чем хорош император? Он не режет исподтишка. Если запишет во враги – обязательно тебе скажет или с курьером открытку пришлет.

– Играет Сашка с тобой, – имел свое мнение Орлов. – Цапнет крючком за ребра – все тайные мысли выложишь. Аккуратнее надо быть. Через детей действовать.

– Я об этом думал, Юра, – кивнул довольный Балахнин. – Дети – наше будущее. Исподволь нужно готовить молодежь к мысли, что любой из них может стать достойным правителем. Конечно, простолюдины не должны допускаться во власть, только в нижние думские палаты. Им этого хватает наораться и морды друг другу побить.

Князя посмеялись, вспоминая, какие баталии возникали между выборными нижней Думы, куда входили мещане, рабочие и крестьяне. Там частенько возникали необыкновенные коллизии, вызывавшие драки. Журналисты прекрасно об этом знали и частенько сутками жили возле Таврического дворца, чтобы заснять эпические баталии.

Они дошли до самого дальнего уголка сада и повернули обратно, спугивая нахальных воробьев, скачущих по дорожке за людьми в надежде получить пригоршню семечек или хлебных крошек.

– И все-таки ты с сыном поговори еще раз, – заговорил хозяин. – Мишка – парень неглупый, скоро закончит ВВА, получит неплохое место в округе. Думаю, что получит. Мы же не зря своих тянем в одно место. Пусть служит, осматривается.

– Ты к тому, что любая власть опирается на армию и полицию? – ухмыльнулся Орлов. – Я твою идею понял. Постепенная замена ключевых постов подготовленными людьми. Такие, как Мишка и его друзья, вполне способны на рывок.

– Но больше всего меня волнует, что разрабатывают «Гранит» и «Изумруд», – снова вернулся к старой теме Балахнин. – Что-то Назаров нарыл в свое время. Когда он ушел с военной службы, сразу начал пробивать свои проекты. Создал институт прикладных наук, набрал штат ученых и инженеров, наглухо закрыл свои разработки, усилил охрану интеллектуальной собственности. Если судить по внедренным в войска новейшим технологиям, то дела серьезные творятся. Но вся эта частная лавочка под пристальным вниманием СБ.

– Платы дешифраторов, магические блоки защиты информации, криптографические считыватели рун, – кивнул Орлов. – Знаю, что существует проблема совмещения электронных плат на основе скандинавских, кельтских и западноевропейских рун с нашими родными славянскими. Эту проблему давно пытаются решить на всех инженерных уровнях, но пока орешек не поддается. Ни государственные, ни

частные компании не могут выйти из тупика...

– Хочешь, подкину историю для размышления? – лукаво улыбнулся Балахнин.

– Ох, искуститель ты, Алексей Изотович, знаешь, чем меня порадовать, – покачал головой Орлов. Он поглядел на приближающуюся парадную лестницу. – Давай. Выкладывай. Люблю загадки. Если только это не базарные сплетни.

– Нет, своими ушами слышал. Я же со многими людьми контактирую. Так вот, недавно с одним человеком, который входил в спецгруппу Сайдахметова, разговаривал.

– Это, случаем, опять про княжну Меньшикову?

– Косвенно. Про Назарова вообще-то. Так вот, он умудрился разблокировать браслеты Арлана, которые имели кельтскую руническую шифровку.

– Да? Вот даже как? – внешне Орлов остался спокойным, но работа ума отобразилась на его широком лице. – Удивительно, как беспечны люди, дававшие подписку о неразглашении служебных расследований. Кто такой болтливый?

– Не скажу. Кадр нужный, – честно ответил князь Балахнин. – Я почему об этом случае тебе поведал... Ведь младший Назаров обучается по прикладной магии? Значит, умеет работать с шифрами. Более чем уверен, что в будущем он обязательно возьмется за проблему совместимости. Мальчишка перспективен, как никто другой, кого я знаю из молодых. Возьмись за него, Юра. Ласка, дружба, продвижение по карьерной лестнице сделают больше, чем выдавливание

икры издохлой рыбы.

– Тамара не даст, – добродушно пробурчал Орлов. – Она берегиня, за сто километров душок учует. Никиту будет охранять, как волчица своих деток.

– Жизнь любит вилять в самом неожиданном месте, – разумно пояснил Балахнин. – Вдруг да повезет. Я смотрю, ты меня совсем не слушал, когда я говорил о будущих внуках Кости.

– Так что за проблема? – пожал плечами гость, но оглянулся, проверяя, нет ли кого рядом из домочадцев Балахни-на или его работников. – Боишься укрепления Меньшико-вых? Еще ведь неизвестно, как жизнь повернется. Вдруг и неспособными детки окажутся? Всяко разное можно предположения строить, да все без толку. Дождемся, когда молодые заведут наследников, вот тогда и посмотрим.

– Что-то мне не по себе стало от твоих слов, – поежился Балахнин.

– Ладно, подумаю на досуге, как облизать твоего Назарова. Ну, не тот калибр он, не тот, чтобы так волноваться, – махнул рукой гость, убирая серьезность с лица. – Пошли, выпьем, что ли? Там еще в графинчике оставалось, я видел.

Глава пятая

– Смирно! – раздался мощный рык дневального, который был услышан даже в дальних кубриках казармы. Все, кто крутился возле входа, вытянулись и замерли, пока капитан Корчак делал последние шаги из коридора в жилое помещение. Команда застала многих в подштанниках или в исподних рубахах, заправленных в штаны, – как раз наступило свободное время для курсантов. Кто-то собирался в душевую, кто-то готовился к наряду, приводя форму в порядок.

Из каптерки вывалился дежурный и, набирая печатающий ход, подошел к Корчаку и четко доложил, что рота находится на отдыхе, происшествий нет, все здоровы.

– Вольно! – махнул капитан, стягивая с рук тонкие перчатки. После солнечных дней что-то снова похолодало, и вот уже вторые сутки с Балтики опять прилично дуло свежестью со снегом. – Объявить по роте построение через двадцать минут.

– Есть! – дежурный сержант козырнул и пошел орать по кубрикам приказ командира роты.

Никита как раз заканчивал разговаривать с дедом. Его очень беспокоило состояние патриарха. Как бы ни геройствовал старик, но в голосе чувствовалась какая-то надломленность, усталость и полное опустошение. Волхв звонил по поводу помолвки с Тамарой. Анатолий Архипович обрадо-

вался и даже разговаривать стал живее. Помолвку назначили на начало апреля, потому что Никита боялся не успеть и на два месяца загреметь на полевые учения. Дед, к сожалению, не смог точно ответить, сможет ли приехать в Петербург. Здоровье – не шутка, особенно для человека, уже глядящего за горизонт столетия.

– На свадьбу я обязательно приеду, внук, – ободряюще произнес патриарх. – Что-то совсем расклеился, надо в кулак волю собрать.

– Может, лекарей каких вызвать? – озаботился Никита. Ему было больно слушать и чувствовать, что родной человек, последний креп его жизни, потихоньку кренился к земле.

– Ха-ха! – даже попробовал посмеяться Анатолий Архипович. – Нынешние лекари – бездари, привыкли только видимые нарушения ауры лечить. Нет, Никитка, время пришло. Душа у меня постарела, а немочь – пустяк. Видимо, свое предназначение в жизни я выполнил, и Творец меня к себе призывает. Кое-что не успел, но это мелочи. Надеюсь на благородство князя Константина.

– Давай я приеду, – решил парень.

– Не балуй. У вас там серьезное мероприятие намечается, – построжел патриарх. – Ты военный, а не гражданский хлыщ. Приказ превыше всего. Ничего, я постараюсь дотянуть до вашей свадьбы. Нельзя мне своей смертью тебя в траур на год вгонять. Тамара потом ругать будет. Но если все же

противный старик помрет – сожги мое тело, а горшок с пеплом замуруй в фамильном склепе. Впрочем, душеприказчик все знает и объяснит.

– Дед... – в горле противно запершило. До Никиты дошло, зачем патриарх попросил себя кремировать. Значит, он придерживался определенных традиций ариев, а сам пыжился и орал, что мифы не имеют ничего общего с его родом. Намек оказался прозрачным.

– Ты никак слезы пустить собрался? – дед удивленно хмыкнул. – Ну-ка, соберись, мальчишка. Обычное дело, сынок. Люди рождаются и умирают. По мне-то что реветь? Пожил славно...

– Для больного ты слишком долго болтаешь, – решил пошутить Никита.

Дед захекал, оценив шутку.

– Ладно, устал я. Иди, служи.

Патриарх решительно прервал связь.

Слухи о начале полевых учении шли уже целую неделю. Курсанты – народ ушлый, все знают. Но самым осведомленным человеком считался Васька Бертенев. Блонда и шепнул по секрету своему взводу, что приказ уже пришел, и с часу на час начальник Академии его обнародует.

Через положенное время рота выстроилась в коридоре казармы, командиры взводов успевали пихать кулаками нерадивых или зазевавшихся, не успевавших занять свое место в строю. Наконец, порядок был установлен, и капитан Кор-

чак, словно почувствовавший его, вышел из своего кабинета. Прошелся вдоль строя, скрипя начищенными ботинками. Нашел некую точку посередине казармы и застыл на ней.

– Господа курсанты! – чуть ли не торжественно произнес ротный. – Получен приказ на передислокацию Академии в полевые лагеря. Начало учений назначено на четвертое апреля. А это значит, что осталось совсем мало времени привести в порядок хозяйственную часть, получить и выучить штатное расписание. Наша Академия направляется в Курляндию. Будем взаимодействовать с полевыми частями округа.

Как – Курляндия? Ведь великий князь говорил о Гельсингфорсе! Вот это номер! Получается даже гораздо дальше от Петербурга! Так, стоп! Ведь там живет бабка Тамары! Вот и не говори потом о судьбоносных поворотах фортуны!

– До Курляндии мы будем добираться или морем, или по суше, пока точного распоряжения не поступало. Все зависит от смежных служб. Проработка логистики лежит на их плечах. Продолжительность учений – сорок-пятьдесят дней.

Никита лихорадочно высчитал, когда Академия вернется обратно. Выходило в самом худшем случае в конце мая. Это нормально. Подготовку к свадьбе возьмут на себя Меньшиковы, потому что больше некому. Просто некому. Зная Надежду Игнатьевну, которая намекнула, чтобы Никита вообще не парился по такому случаю, она все организует в лучшем виде. Предстоящее важное событие отодвинуло учебу на самые задворки, что о ней вспоминалось с неохотой. Да-

же постоянные тренировки по магическо-рукопашному бою проходили в непонятном тумане. Правда, пришлось взять себя в руки, когда Степка Куракин, один из слабеньких в их группе, победил его в спарринге. Альфа с удивлением смотрел на упавшего Назарова и ничего не понимал. Степка же ходил гоголем, поигрывая мышцами, и на лице его была написана нешуточная гордость пополам с недоверием.

– Это что я сегодня наблюдал? – Альфа затащил Никиту в свое маленькое помещение, где кроме стола, пары металлических стеллажей со спортивным инвентарем и раскладушки ничего не было. – Ну-ка, посмотри на меня! Влюбился, что ли?

– Лучше, Матвей Иванович, женюсь, – честно ответил Никита. – А еще проблемы со здоровьем у деда. Плох он. Навалилось все разом.

– Хм, обычно парни шутят «хуже», когда речь о женитьбе заходит. – Альфа покачал головой. – Насчет деда сочувствую. Наслышан о нем. Утешать – дело поганое, когда будущее нерадостно. Но это не дело подставляться так. Позорище. Лучший боец лег под Куракина. А как в бою себя поведешь? В жизни столько отвлекающих факторов, что любой из них может грозить потерей концентрации, а значит, и гибели вверенного тебе подразделения. Не забывай, что каждый боец надеется на волхва, надеется, что вернется с боевого задания живой и невредимый. А ты подведешь с таким отношением. Возьми себя в руки, парень.

– Слушаюсь, – Никита встрепенулся. И чего он, в самом деле? Пока ничего страшного не произошло, дед скрипит, пыхтит, но еще держится.

– Иди, переодевайся, – задумчиво кивнул Альфа. – И вспоминай мои слова почаще, особенно на учениях. Там будет все серьезно. Не подведи ребят.

Между тем капитан Корчак закончил говорить и посмотрел на часы. Потом приказал командирам взводов собраться в своем кабинете через десять минут. Остальные – свободны до обеда. После него – выход на полигон. Отработка взаимодействий группами. Все как всегда. День за днем. Обрадовавшись возможности предупредить Тамару, выскочил на улицу в одной гимнастерке, несмотря на порывистый холодный ветер, и зашел за угол казармы, который хоть как-то защищал от непогоды. Тамара взяла трубку сразу. Ну да. У них сейчас тоже перерыв между занятиями. В трубке слышен ровный гул голосов, где-то раздается монотонный стук молотка, потом зашумела дрель.

– Привет, солнышко! – сказал Никита, наострив уши. – Вы чем занимаетесь, доктора экономических наук? Осваиваете смежную профессию?

– Здравствуй, дорогой! – Тамара засмеялась. – Это у нас стенд с учебными биржевыми показателями свалился со стены в коридоре. Представляешь? Такая махина грохнулась. Ладно, во время занятий. Надо присмотреться к поведению биржевых котировок. Вдруг это знак? Подожди, я сейчас

отойду, а то девчонки уши греть начали.

– Никита, привет! – раздался звонкий голосок Даши откуда-то издалека.

– Дашке тоже привет передай, – усмехнулся Никита.

– Ладно, передаю, – с угрозой произнесла Тамара и куда-то пропала, только цоканье каблуков по паркету слышно. – Все, я скромно одна в закутке стою. Говори.

– Приказ по Академии. Четвертое апреля, – сказал Никита, зная, что княжна сообразила, о чем идет речь. – Обратного жди в конце мая.

– Понятно, – протянула Тамара с разочарованием в голосе. – До-о-олго!

– Не успеешь соскучиться, – пообещал волхв. – Кстати, а где проживает твоя бабушка? Могу привет передать, если рядом буду.

– Ой! – девушка на мгновение замерла, соображая, что бы это значило. – Значит, вас туда направляют?

Игра в секретность жутко заводила Тамару, и она всячески старалась избегать географических названий в разговоре по телефону. Никита посмеивался над ее наивностью, но не разочаровывал любимую. Какой смысл от таких секретов? Выход Академии в поля не являлся каким-то неординарным событием. Такое происходило каждый год, а пункт назначения можно было вычислить по логистическим маршрутам. Только шпионам возня курсантов ВВА была неинтересна. Есть добыча покрупнее. Навар больше.

– Туда, туда, – засмеялся Никита.

– Ой, мамочки, здорово! Я тогда предупрежу бабушку Агату! – затараторила Тамара, сразу отбросив секретность. – Значит, слушай: это в районе Виндавы. Пригород. Там есть местечко такое славное, вдоль реки Венты. Поместье «Жальябирз», фу, язык сломаешь. Запомнишь? От Виндавы двадцать минут езды на такси. Баронессу Суворову все знают. Спросишь у местных пейзажистов.

– Ладно, я все понял, разберусь.

– Подожди, а почему ты сейчас по телефону это говоришь? – напряглась Тамара. – Ты не приедешь на выходных?

– Скорее всего – нет. Попадаю в наряд. А потом уже не смогу. Уедем.

– У-уу! – в голосе Тамары было такое разочарование, что Никита не удержался и рассмеялся.

– Представь, как отец будет рад! А то такими глазами смотрит, когда я тебя увожу из дома, – усмехнулся волхв. – Дай человеку дух перевести. Пусть последние месяцы на тебя полюбуется. Увезу тебя в наше гнездышко после свадьбы – полгода минимум не дам появляться в фамильном особняке. Пусть поскучает.

В трубке раздался короткий смешок. Но какой-то задумчивый.

– Мне пора, милый. Занятия начинаются, – сказала она после паузы. – Значит, четвертого?

– Да. Все, пока, целую.

Впервые Никита был в таких разорванных чувствах. Сердце стремилось быть с Тamarой, а обязательства наваливались, как снежный ком. Может, он действительно поторопился с отказом Коллегии иерархов принять предложение высших чинов учиться у них? Учебные корпуса Коллегии находились в самой столице, и не нужно было мотаться из сельской глуши в Петербург каждый выходной. Учился бы спокойно, каждый день – дома. Больной дед, необходимость координировать действия Якута с его поделщиками, ждущая нового хозяина корпорация «Изумруд» – нехилая ноша для восемнадцатилетнего парня. К этому стоит добавить головную боль с его будущим с Тamarой. Где они будут жить? Во дворец Меншиковых Никита категорически не переедет. Лучше на Шуваловских дачах. Но тогда возмутится великий князь. Он не для семейной жизни искал скромное жилище, а для практических целей. По его мнению, дочь Меншикова не должна жить в курятнике. Значит, нужно строить свою обитель в пригороде. Петербург уже перегружен особняками и дворцами. Нет там места. Плюс к этому тяжким грузом ложится необходимость капитальной перестройки вологодского семейного поместья. Продавать землю предков неразумно. Нельзя. В Вологде – если что – «Изумруд». В будущем все равно придется туда переезжать. Ох, что же делать? И что скажет руководство? Для разговора с начальником Академии полковником Кольцовым нужно записаться у секретаря за пару дней. Ладно, тогда сейчас и пойдет.

Никита признавал за собой некую спонтанность действий. Разум и чувства периодически разбегались в разные углы и упорно не хотели контактировать друг с другом. Они как обиженные дети махали руками и плевались, а хозяин не знал, как их примирить. Понятно, что все беды – от недостатка жизненного опыта. В будущем надо принимать решения взвешенно. Кто мешал ему как следует подумать над предложением иерархов? В Академии волхвов тоже ведь есть военная кафедра, ему об этом прямо намекали. Если бы еще не ломали через колено, пытаясь приобрести перспективного студента! Осадок от нахрапистого давления иерархов остался, но возмущение и злость уже давно перегорели. Теперь пришла пора взвешенных действий.

Решившись, Никита зашагал в административный корпус, пока секретарь находился на месте. Перед турникетом остановился и доложил офицеру с погонами лейтенанта, по какому поводу прибыл. Дежурный тщательно записал фамилию курсанта и кивнул. Турникет крутанулся и пропустил волхва внутрь здания. Кабинет полковника Кольцова находился на втором этаже. Приемная была открыта, и Никита вздохнул с облегчением. Адьютант-референт выслушал просьбу курсанта и задумался, глядя в перекидной календарь. Перелистал его и вернулся обратно.

– Все дни до учений заняты, к сожалению, курсант Назаров, – сказал он. – Единственное окно завтра в одиннадцать двадцать. Но у вас будет не больше пятнадцати минут, чтобы

изложить свою просьбу. Тщательно подготовьтесь, не стойте столбом, бекать-мекать не советую. Господин полковник этого не любит.

– Я все понял, господин капитан, – вытянулся Никита.

– Тогда я вас заносу в список посетителей, – кивнул референт. – Не опаздывайте. Согласуйте со своими преподавателями личную отлучку.

– Слушаюсь!

Кажется, будущее начинало обретать нужные формы. Никита принимал решение трудно, ломая себя. Неловкость и стыд еще сидели в его душе, но понимание своей ответственности перед большим количеством людей, для которых он уже был хозяином, перевешивало все остальное. Сойти с выбранной тропы в самом начале не казалось чем-то постыдным. Это нормально. Значит, человек осознал, что он выбрал неверную дорогу, и чтобы не мешать другим – тихо уйдет. Гораздо хуже, когда спаянный коллектив получает трещину от решения товарища спрыгнуть во время набравшего ход экспресса. Вот тогда презрительные взгляды парней обеспечены. Никита хотел ясности и определенности. А подсказать ему правильное решение мог только опытный и умный наставник.

Теперь оставался единственный вопрос, на который нужно самому ответить честно: нужна ли ему военная служба? Так ли она важна в его дальнейшей жизни? Ясно, как день, одно: в случае вооруженного конфликта или, хуже того, вой-

ны Никиту откомандируют в одну из частей для прохождения службы, независимо от того, где он будет продолжать учебу. Единственная досада: в Генштаб ему путь заказан. Может ли это огорчить старика Назарова? Ведь сам патриарх никогда не давил на Никиту, желая видеть внука в погонах генштабиста!

Едва дождавшись следующего дня и заранее отпросившись с теоретических занятий, он нетерпеливо ерзал на диванчике в приемной под недоуменным взглядом адъютанта-референта, не понимающего, что так нервничает курсант.

Наконец, посмотрев на часы, капитан встал и скрылся за лакированными дверями кабинета начальника Академии. Прошла целая вечность, прежде чем он вышел и кивнул. Никита вскочил, одернул китель и решительно зашел на аудиенцию. Полковник Кольцов сидел за рабочим столом и что-то быстро писал. Небольшой монитор стоял на самом краю, но на него начальник Академии вообще внимания не обращал. А на Никиту посмотрел с любопытством.

– Ваше превосходительство! Курсант Назаров прибыл для аудиенции! Разрешите изложить свою просьбу!

– Давай, Назаров, слушаю тебя.

Четко сделав три шага, Никита остановился, не доходя до торца стола, вытянувшегося буквой «Т» в сторону дверей, и начал говорить. Все свои соображения, надежды, сомнения, ситуацию, сложившуюся на данный момент. Предстоящая свадьба с княжной Меншиковой, как слабый аргумент,

была отложена на конец доклада.

Кольцов действительно слушал внимательно, даже писать перестал. На его памяти это был первый случай, когда курсант просил отчислить его из Академии по причине семейных обстоятельств. Не сказать, что уникальный – таких ребят и раньше хватало. И у каждого были свои причины. Полковник прекрасно знал о состоянии старшего Назарова и о намечающейся свадьбе курсанта и, грешным делом, ждал, что именно этим обстоятельством он начнет продавливать свое решение. Однако получилось все по-другому, и Кольцов понял, что Назаров далеко не слабохарактерный парень. И про свадьбу сказал с неохотой. Так, лишний камешек на весы.

– Значит, ты считаешь, что военная служба с перспективой карьеры в Генштабе не для тебя?

– Так точно, господин полковник, – ответил Никита. – Я не хочу занимать место человека, который больше пользы принесет для России. Я долго размышлял, и пришел к мысли, что в качестве волхва-прикладника буду востребован как никогда. Но на гражданской службе. Если вы не знаете, я стал обладателем научной корпорации, разрабатывающей секретные компоненты для армии. Это тоже накладывает ответственность.

– Да, я читал про твой резкий взлет, Назаров, – покачал головой Кольцов. – И, признаюсь, мне сразу пришла мысль поговорить с тобой, но ты, видно, сам шел в том же направ-

лении. В личном досье есть психологическая характеристика, составленная из мнений людей, хорошо тебя знающих. Так вот, почти все говорят, что курсант Назаров подвержен резким, спонтанным решениям, идущим вразрез его прежним. Из-за этого происходит недостаточное понимание своей роли в обществе, да и в личной жизни метания не приводят к хорошему.

– Так точно, замечал за собой подобное, – признался Никита.

– Самокритичность – вещь хорошая, она не позволяет свалиться в глубокий кювет, – Кольцов откинулся на спинку кресла. – И что мне с тобой делать? Не хочется терять сильного боевого волхва для армии. Твои успехи в прикладной магии тоже радуют. Остап Васильевич отзывается о тебе только в лучших тонах... И опять же, по моему мнению – твое решение созрело за два дня. Снова мечешься?

– Всю ночь не спал, думал, – ответил Никита. – Все варианты пробовал. Я не могу бросить на произвол судьбы корпорацию, дело всей жизни деда. Это будет предательством худшим, чем уход из Академии.

Барабанная дробь пальцами по столу. Полковник сдвинул брови к переносице. Он не собирался держать в жестком капкане мальчишку, решившего покинуть стены Академии, но его сдерживала характеристика в личном деле Назарова. Сегодня курсант решил так, а завтра начнет метаться на гражданской жизни, понимая, какую глупость совершил. Нет еще

в нем стержня.

Кольцов снял трубку телефона, замер, вслушиваясь в гудки, а потом весело произнес:

– Василич! А не заглянешь ко мне сейчас? Ты же свободен? Опять сидишь в своем техническом закутке? Давай, топай. Я тут с Назаровым интересную беседу веду.

Положил трубку и усмехнулся:

– Даже не дослушал... Сейчас появится.

Затонский на удивление быстро оказался в кабинете и настороженно поглядел на стоящего Никиту, молча кивнул на приветствие кадета, поздоровался с полковником за руку и хлопнулся на стул.

– Что случилось?

– Курсант Назаров хочет подать прошение о прекращении учебы в Академии и снять погоны, – просто ответил Кольцов.

– Вот как? – Затонский стянул с себя кепи с кокардой и бросил на стол. – Мотивы свои объяснил?

– Все разложил по полочкам, – подтвердил Кольцов. – Я даже аргументов против не нашел. Как бы логично, но обидно.

– Обидно, согласен, – Затонский пристально посмотрел на Никиту. – Я уже настроился на научную работу по итогам дипломной работы курсанта Назарова.

Мелкий камешек в огород глупого мальчишки. Никита пока молчал. Ждал вопросов. А начальство словно забыло о

нем и переговаривалось между собой.

– Впрочем, ничего страшного не произошло. В Коллегии иерархов только будут рады видеть сильного ученика, – пожал плечами прикладник. – Волхвы Военной Академии, по сути, всего лишь филиал Коллегии. Разница лишь в будущих перспективах. Выпускники ВВА останутся в армии, а котируемые через Коллегию – уйдут в гражданский сектор. Так какая разница, где будет реализовывать свои амбиции Назаров.

– Да, я тоже об этом сразу подумал, – кивнул полковник. – Можно оформить переводом с сохранением учебного ценза. Только после окончания первого курса. На носу учения, и никто не будет заниматься такой волокитей.

– Пусть проветрится в полях, – усмехнулся Затонский. – Если не передумает, то оформим приказ. Мне, кстати, будет легче контролировать его разработки. Ты же знаешь, Николай, что я работаю на две ставки. Моя основная деятельность протекает в стенах Коллегии.

Никита наострил уши. Невзначай брошенные опытным прикладником слова предназначались ему. А мужчины продолжали перебрасываться словами, обдумывали возможности. Время, отведенное на аудиенцию, закончилось, а Кольцов даже не волновался.

– Будешь его курировать?

– Как получится. Там сразу прикладников берут в долгосрочную осаду. Назарову не завидую. Будет хуже, чем в на-

рядах по Академии.

Посмеялись.

– Нет, наверное, проще, – сказал Кольцов, бросив хитрый взгляд на Никиту. – У него же девушка в Петербурге. И свадьба на носу. Негоже молодую супругу оставлять одну на пять-шесть дней в неделю. Опасно.

Опять смеются.

– Так как оформим?

– Да решили вроде. Увольнение с одновременным переводом в Академию иерархов, чтобы не терять студенческий ценз. Сразу на второй курс с осени, – полковник что-то черкнул в блокноте. – Я сам позвоню Воронкову, пусть порадуется. Учти, Назаров, после окончания учебы будешь призван в армию. Так что все равно отвертеться не удастся. Годик побудешь в лагерях, погоны лейтенанта получишь, потом в резерв поставят.

– Только настаивай на том, чтобы Назарова взяли на военную кафедру, – Затонский критически посмотрел на вытянувшегося и не шелохнувшегося Никиту. – Там больше на технические факультеты тянут, а бойцы им не нужны. Всего десять человек обучается. Негусто для нашей армии, но кое-какие изобретения они выдают. Плюс патент. А это денежки в карман голодного студента. И для всех будет нормально. Парень боевую квалификацию не потеряет и при деле будет.

Теперь оба смотрели с хитрецей на будущего «голодающего студента».

– Твое решение окончательное? – в голосе Кольцова появились жесткие нотки.

– Так точно, ваше превосходительство!

– Тогда сейчас пиши заявление, а сразу после окончания учений можешь покинуть стены ВВА навсегда. Пока будешь в полях бегать – наши кадровики успеют оформить приказ об отчислении в связи с переводом без потери ценза в Академию иерархов. Иначе не успеют. Все в отпусках пойдут.

– Разумно, Николай, – кивнул Затонский.

– Тогда свободен, курсант Назаров. В приемной напишешь заявление на мое имя, оставишь у референта. Я позже подпишу.

– Разрешите идти?

– Да.

Никита четко развернулся через левое плечо и вышел из кабинета.

Мужчины помолчали с минуту, потом Кольцов вытащил из кармана кителя бумажник, достал ассигнацию в десять рублей и положил на стол перед Затонским.

– Как ты его просчитал? – с любопытством спросил полковник. – Тоже ведь рисковал в пари.

– Мальчишка – уникальный прикладник, – ответил Затонский, забирая купюру. – Я же видел, как он мечется между долгом и желанием. Как военный он нам не нужен. Не думал, что такую крамолу выскажу! Обычный сильный боец, со своими разработками рукопашного боя. Но признай-

ся, Коля, таких солдат у нас хватает с избытком. А вот головастых изобретателей – кот наплакал. И Назаров это прекрасно понимал. Анатолий Архипович, кстати, когда приезжал в Академию, попросил меня, чтобы я не препятствовал Никите прекратить учебу. Старик словно знал, что внук не будет носить погоны.

– Вот даже как? – удивился Кольцов. – Может, ты его подтолкнул к решению, хитрец?

– Ни слова не говорил. Назаров – маньяк в хорошем значении этого слова. У него куча идей, которые в стенах ВВА просто нереально реализовать. А через Коллегию легче пробиться на самую вершину своей мечты. Ну, и личная жизнь, конечно. Ты на его лицо посмотри. Для него это сейчас самое главное. Какая армия? Сам молодым не был?

– Был. Но у меня в восемнадцать лет не было знатной невесты, громадного частного предприятия и родового поместья в личном пользовании, – вздохнул полковник.

– Он же стяжатель, Коля! – усмехнулся Затонский. – Все к себе притягивает!

Мужчины засмеялись. Им почему-то стало легко и светло, словно вышедший из кабинета курсант олицетворял их несбывшиеся мечты и те пути, по которым они могли пройти, но грубая проза жизни заставила их свернуть на прото-ренную другими дорогу.

Глава шестая

Жаркое солнце, уйдя в зенит, словно застыло на одном месте и не собиралось покидать глубокое небо без единого облачка. Его лучи прилипали к спине, безжалостно высушивая пот, выступающий между лопаток, и оставляя на гимнастерках следы соли. Моторизованная рота капитана Корчака, прорвавшись по флангу в глубокий тыл противника, остановилась около небольшой речушки, лениво протекающей между заросшими ивняком пологими берегами. Застыла пара БТР, тяжело дыша дизелями после долгого марша, защелкали движки грузовиков с тентами на кузовах, откуда попрыгали на землю измученные духотой запыленные бойцы. Присоединившись к разведгруппе, посыпавшейся с брони, они все вместе ринулись к воде. Хотелось ополоснуться и смыть с лица пот и грязь.

– Командиры взводов – ко мне! – приказал Корчак, раскидывая на капоте штабной машины карту. – Волхвам обеспечить круговое наблюдение!

В роту Корчака, помимо Никиты, был придан еще один волхв – Аджой Гурамов, напарник по секции рукопашного боя. Ведущим волхвом выступал Назаров, как наиболее сильный и подготовленный маг, отчего Гурамов был слегка обижен. Он считал, что класс его боевых плетений несколько превосходит методику Назарова. Никита не стал напоминать

ему, что ранг Аджоя куда ниже, чем его личный, да и тестовые задания убедили начальство поступать именно так – в пользу Назарова. Командование приказало – значит, нужно подчиниться, а не обиженно сопеть в сторону. Все это от лукавого. Вполне может быть, что коллега и силен в каких-то компонентах. Пожалуйста, доказывай.

– Аджой, на тебе северо-восточный и юго-восточный румбы, я возьму остальные, – сказал Никита. – Раскидаем сигналки и метки для считывания движения. Аудиоконтроль не забудь.

– Понял, – пробурчал Гурамов и отошел в сторону с таким видом, как будто делал одолжение. Сформированные им аурные контрольные датчики разлетелись по заданным углам. И только после этого товарищ спустился к речке, чтобы помыться.

Никита покачал головой. Так дело не пойдет. Если дуться по каждому поводу – роту перещелкают как куропаток. Нет согласия в действиях волхвов – пиши пропало. Гурамов – гордый паренек, привыкший повелевать своим кланом, а здесь в других условиях сразу попал в диссонанс. Вот и не может понять, как себя вести. Ну, так пусть идет к начальнику штаба Охрименко и пробует убедить того, что кандидатура курсанта второго курса предпочтительнее в роли ведущего волхва.

Никита закончил устанавливать сигналки, вдобавок к ним рассыпав горсть «шпионов» аудиоконтроля по четырем рум-

бам. Совместимость модулей уже была отработана на марше пару дней назад, когда батальон курсантов ВВА получил приказ провести развед рейд вглубь территории «зеленых» в направлении от Туккума до Гольдингена. Причем планировалось форсирование реки Вента. Видимо, Корчак со взводными и обсуждают дальнейшие планы. Два БТРа, три грузовика с пехотой и штабная «рысь» с длинной антенной передатчика въехали между подразделениями «зеленых», умудрившись попасть острием как раз туда, где зияла пустота разрыва. Ни фланговых дозоров, ни патрулей – удивительная беспечность оппонентов или же загадочная вводная наблюдателей. За время движения попало всего лишь пару хуторов, для жителей которых небольшая колонна рычащей тяжелой техники могла бы стать небывалым событием, но волхвы предусмотрительно накинули купол-невидимку на отряд. Вот почему в Генштабе давно разработана директива иметь не меньше двух волхвов, начиная с роты, в армейских подразделениях. Одному Никите сложно было бы поставить завесу, а так справились, даже не вспотели. Только пришлось еще и звук гасить. Рев стоял такой, что иллюзия потеряла бы свой смысл.

Никита, надо признаться, был удивлен. Курляндская губерния оказалась каким-то сонным царством, заброшенным на побережье Балтийского моря из прошлых веков. Кроме многочисленных хуторов, речушек, роц и дюн здесь не на что было смотреть. Крупные города вроде Митавы, Либавы и

Виндавы оставались в стороне от учений, и вся жизнь трехтысячной группировки протекала в полевых лагерях. Тактические занятия, стрельбы, групповые задания, марш-броски – скучная и однообразная жизнь солдата, учащегося только для одной цели – уметь защищаться и нападать, а короче – войне. Гражданская жизнь осталась где-то на побережье, среди огней кафе, ресторанов, курортного неторопливого проживания, прогулок по набережной. А здесь перед Никитой открывалось такое широкое небо и необъятные луговые просторы с вкраплениями лесов, что не хотелось никуда бежать с автоматом за спиной, вдыхать запах солянки от выхлопов бронетехники; а простое желание упасть на спину и смотреть на стремительные росчерки стрижей и втягивать в себя терпкий, чуть суховатый запах трав считалось за невозможное счастье. Даже о Тамаре он вспоминал не так часто. Звонки с телефонов домой были запрещены во избежание утечки любой информации, начиная от боевой и заканчивая обыкновенным гражданским трепом. Разведки Германии, Норвегии и Швеции уже проявили пристальное внимание к учениям сухопутных частей стратегической ударной группировки северо-западного направления, даже корабли свои вывели в нейтральные воды, облучая радарам побережье Курляндии.

Вот и пришлось откинуть ненужные, будоражащие воображение мысли. Оставалось ждать совсем немного. Скоро он вернется домой и снимет погоны. Начнется другая жизнь,

нисколько не легче нынешней.

Помолвка прошла более чем скромно. Меньшиковы решили не устраивать ее по-современному, то есть в формате фуршета, а только в кругу семьи, понимая, что Никита выступит как уязвленная сторона. Со стороны Назарова не было родственника, и эту роль выполнил сам император Александр, нацепив на себя личину доброго дядюшки, что для Никиты оказалось большим и приятным сюрпризом. Он догадывался о роли Константина Михайловича в этом маленьком сговоре, но был ему благодарен. Император много шутил, представлял жениха родителям невесты, перечислил все его достоинства и намекал, что в будущем у Никиты видится хороший карьерный рост. Никита подарил Тамаре золотое кольцо с голубым сапфиром, которое идеально подошло к ее любимым сережкам. Для будущего тестя подарок оказалось выбрать довольно трудно. Чего такого великий князь не видел в своей жизни? Но после долгих раздумий решил преподнести ему кабинетные часы с золотой цепочкой, покрытые цветной эмалью, и с гравировкой на крышке в виде малого герба семьи Меньшиковых. Эти часы можно было носить и в кармане, как раритетную и стильную вещицу, но в основном они предназначались для нахождения на столе. Стильный новодел выпускал часовой завод Буре, вернее, его филиал в Новгороде. Но качество механизма было высочайшим. С золотой цепочкой шла небольшая партия, и поэтому неведомыми путями часы стали попадать в антикварные

лавки. Гравировку Никита заказал позже. Подарок Константину Михайловичу пришелся по душе, тот даже растрогался, приобняв волхва.

А для Надежды Игнатьевны был особый подарок. Хитрый дед заранее подстраховал своего внука и прислал с курьером из Вологды симпатичную коробку из структурного картона с логотипом «Назаровских мануфактур», где обернутый рисовой бумагой лежал красный кашемировый платок с серебряными защитными нитями по краям. Княгиня, в отличие от мужа, Никиту обняла очень крепко и даже расцеловала. Чувствовалось, патриарх угадал. А Никита не стал открывать свою маленькую тайну. Зачем? И так всем приятно.

Катерина получила набор амулетов из полудрагоценных камней в маленькой резной шкатулке, обитой изнутри темно-зеленым бархатом. Там были гранат, аметист, топаз, аквамарин и агат. Набор не был настолько прост, как казалось вначале. В каждый камешек Никита вложил плетение самоподдерживающего энергетического заряда. Простенький модуль, а эффект для младшей сестры Тамары мог оказаться невероятным. Сенсорики вообще считались одаренными, подверженными мощному расходу энергии и от этого часто истощали ауру. Настоящие амулеты должны были поддерживать необходимый потенциал Кати в случае работы. Никита только начал объяснять суть коллекции, как девушка закричала в восторге, что все поняла, и крепко обняла будущего зятя. Излишне крепко, по мнению Тамары, начавшей ревно-

вать Катьку.

Сашке достался самый простой, но завораживающий подарок. Большой поделочный камень в серебряной оправе был замагичен на иллюзорную картину Вселенной. Стоит только направить на него прямой луч света от любого источника, как перед глазами разворачивалась картина мироздания с переливающимися звездами, спиралями, всполохами взрывов сверхновых, протуберанцы солнц – в общем, пацана родители до самого вечера больше не видели.

В приданое Тамаре родители решили дать небольшое имение за Обводным каналом, в которое семья Меншиковых переезжала на лето. Неплохое местечко, как успела шепнуть на ухо Никите довольная девушка, с несколькими гектарами земли, где можно устроить все, что душа пожелает. Правда, предстоит небольшой ремонт, чтобы переделать семейное гнездо молодых под свои запросы.

– Начать движение! – раздался зычный крик командира роты, и Никита с трудом очнулся от воспоминаний. Накатило так, что отвлекся.

Зафырчали движки бронетранспортеров, загаживая чистый воздух луговины запахом солярки. Бойцы торопливо карабкались на броню, подавали руки тем, кто не успевал. Подпрыгивая на кочках, поехали грузовики. Никита с Аджом сидели на головном БТРе, сканируя каждый свой сектор. Иллюзию убрали, чтобы зря не расходовать энергию. Амулеты, висевшие у них на шеях, служили больше для подза-

рядки, использовали их в крайнем случае.

Высоко в небе, неподалеку от приближающейся роши, мелькнула тень, распластавшая свои крылья. Сначала показалось, что орел медленно пикирует вниз, но очень уж странным был полет птицы. Она шла не по нисходящей, а какими-то рывками, словно кто-то невидимый дергал ее за ниточку, привязанную к хвосту.

– Беспилотник? – выдал свою версию Аджой, прикрывая глаза ладонью. Мало ему козырька полевой кепи.

– Ловко они стали беспилотники под птиц подделывать, – усмехнулся Никита и послал вперед верных «разведчиков». Не понравилось старшему волхву поведение пернатого. Или наводка какая? Странный дед Фрол из Албазина рассказывал ему, как некоторые умельцы из Поднебесной и ламы из горных монастырей Тибета умели смотреть на мир глазами животных и птиц. Просто внедрялись в сознание меньших братьев и спокойно шпионили, не создавая никаких подозрений у противника. Эдакие фамильяры экстра-класса.

– К нам не летит, пошел вдоль колонны, – Гурамов заволновался, почуяв неладное. Тоже, наверное, слышал истории про «заменителей душ». – Накинем «сферу»?

– Давай, – согласился Никита.

Им это не помогло. Орел резко изменил направление и ушел куда-то за облака, ползущие с моря. А через минуту тугая волна спрессованного воздуха ударила по колонне, сметая с БТРов людей, как сухие листья с дороги. Штабная ма-

шина клюнула передком и развернулась, срезая колесам травяной покров.

– Прошляпили, волхвы! – орали кругом, занимая оборону, солдаты. Замершая техника, получившая мощный энергетический удар, заглохла и перестала функционировать, не отзываясь ни на одну команду.

Никита не считал, что они прозевали засаду. В самый последний момент он с Аджоем успел выставить «сферу», которая хоть как-то компенсировала мощь невидимого магического кулака. У противника был хороший воздушный стихийник. Он великолепно подготовил скрипт «воздушно-го хлопка», и в момент появления противника ему оставалось только активировать его. Применение волхвами магического оружия допускалось по правилам полевых учений. Дело в том, что формирование плетений строго ограничивалось своей ударной мощью. Проще говоря, если из автоматов стреляли холостыми патронами, имитируя бой, так и маги использовали свои наработки, не причиняющие физического ущерба людям. Но допускались травматические случаи. Вот как сейчас: сдуло людей с брони, и кто-то мог получить увечье. Жесткое правило, но оно сознательно продавливалось архимагами Генштаба, присутствующими на учениях в качестве консультантов. Условия, приближенные к боевым, как пояснили наблюдатели.

Лежа на траве в небольшой ложбинке, Никита лихорадочно просчитывал, откуда мог быть нанесен удар. Хороший

стихийник может действовать в пределах трех километров. Если предположить возможность противника следить через органы зрения животных и птиц, то расстояние можно смело увеличивать до десяти километров. Но тогда разведчикам противостоит опытный чародей, а значит, и опасный. Подобравшись к замершим за «рысью» капитану Корчаку и двум заместителям, он так и доложил о своем предположении. Заодно отверг и обвинение в свой адрес, что заснул на броне и не защитил отряд. Пояснил, что свернутый скрипт обнаружить за несколько километров от колонны не представлялось возможным.

– Что предлагаешь, Назаров? – Корчак достал карту из планшета и развернул ее небольшую часть, где была нанесена линия маршрута их роты.

– Провести разведку местности на предмет засады стихийника, – сказал Никита и тыкнул пальцем в зеленую кляксу. – Примерное направление знаю, а дальше – только поиск. Раскидаю сигналки, осторожно пройду линию обороны противника, если она здесь есть, и вычислю «воздушника».

– Впереди, откуда прилетела плюха, находится болото, а за ним хутор Краста, – взгляделся в карту капитан. – Возможно, что там и засели «зеленые». У нас мало людей осталось после удара, остается только ждать решение Центра, чтобы ехать домой, или продолжать окапываться.

Капитан знал, что говорил. После магического удара наблюдатели должны дать сигнал отряду, подвергнушемуся на-

падению, и сказать, сколько человек выведено из строя. Если отряд «погиб» полностью – поднимался белый флажок. Можно загорать. В случае если кому-то милостиво позволяли трепыхаться с потерей шестидесяти процентов личного состава, тогда можно и воевать. Теперь Корчак ждал сигнала из координационного центра. «Зеленые» уже послали доклад, и не известно, как отреагируют наблюдатели.

– Сколько тебе человек нужно? – спросил ротный.

– Один пойду, – ответил Никита, уже давно решивший, что делать. – Курсант Гурамов останется на прикрытии.

– Не геройствуй, – сухо произнес Корчак. – Знаю, что ты в одиночку сможешь добраться хоть до дьявола, но впереди болото, а ему плевать, чародей ты или простой любитель побродить по топям.

– Я смогу пройти, а тащить за собой ребят – время терять. Найду волхва и возьму его в плен.

Елагин удивленно хмыкнул. Назаров его поражал. Безрассудный до умопомрачения, странный, упертый в своих желаниях и умеющий доказывать, что он прав. А лицо спокойное, словно не по тылам противника собрался шнырять, а по парку с девушкой прогуливаться.

Рядом с капитаном бухнулся курсант, задыхаясь от бега. Поправил кепи и доложил:

– С центрального штаба пришла вводная. Потери личного состава – сорок процентов. Продолжать игру. Действовать сообразно ситуации.

– Сорок? – удивился Корчак. – Я уже собрался кофе пить в лагере, а тут воевать предложили дальше.

Курсанты весело засмеялись.

– Почему сорок? – спросил командир второго взвода Лыжников. Он, кажется, не понимал, что происходит. – Для такого удара слишком малый процент потерь.

– Потому что волхвы сумели в последний момент поставить защиту. Этот факт посчитали нам в плюс, – пояснил ротный. Никита кивнул. Так и есть. Он с Аджоем проворонили первоначальный момент атаки, потому что стихийник находился слишком далеко. Сигналки просто не преодолели такого расстояния, а потом сгорели от удара.

– Иди, Назаров, – капитан внимательно посмотрел на Никиту, ощерившегося в довольной улыбке. – Сколько тебе времени понадобится? До наступления темноты нас могут расщелкать, как куропаток, а на марше мы вообще будем голыми. Придется окапываться.

– Четыре-пять часов, – прикинул Назаров. – Обнаружить волхва я смогу быстро, а вот притащить его за шкуру – дело долгое.

– Даю пять часов, – посмотрел на часы Корчак. – Если не появишься – придется вывешивать черный флажок из-за бездействия отряда. Что тоже равносильно проигрышу. В этом случае до лагеря доберешься самостоятельно. Давай, парень, действуй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.